

ПРОЕКТ
АРКАДИЯ И БОРИСА
СТРУГАЦКИХ
ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

ДВА МИРА — ОДНА ПОБЕДА!

АНТОН
ПЕРВУШИН

ИГОРЬ
МИНАКОВ

ПИРАТЫ
ТАГОРЫ

МАКСИМ
ХОРСУН

**Антон Иванович Первушин
Максим Хорсун
Игорь Минаков
Пираты Тагоры
Серия «Обитаемый остров»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958710*

Пираты Тагоры : [фантастический роман] / Антон Первушин, Игорь Минаков, Максим Хорсун. : АСТ, Terra Fantastica; Москва, Санкт-Петербург; ISBN 978-5-17-077084-7, 978-5-7921-0843-1

Аннотация

На Саракше – новый кризис. В спецлагерях на юге Свободного Отечества началось массовое восстание заключенных. Армейские части, брошенные на подавление бунта, присоединяются к восставшим. Мутант-герцог Птицелов, возглавивший сектор оперативного реагирования Отдела «Массаракш», подозревает, что беспорядки организованы «врагами с Земли». Он пока не знает, что через его маленький Мир пролегает линия фронта в галактической войне, от исхода которой зависит будущее не только Саракша, но и Земли, да и всей Вселенной. Победа в этой войне будет стоить дорого, но Птицелов не из тех, кто боится платить по счетам...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Антон Первушин, Игорь Минаков, Максим Хорсун Пираты Тагоры

Пролог

Силы покидали Птицелова. Все тяжелее было отбивать удары, которыми его осыпали Темные Лесорубы. Секиры чудовищных машин, пришедших из Массаракша, взлетали и падали. Иномиряне не ослабляли натиск. Они напирали так, словно собрались во что бы то ни стало изрубить строптивного человечишку в фарш. Или им был дан на то приказ, или они попросту мстили за уничтоженного грязевиками механического сородича. Может, если бы Птицелов сдался и пал на колени, измазанный известняковой пылью и кровью, Лесорубы взяли бы его под руки и забрали с собой, – похожий на термитник иномироход возвышался посреди Норушкиного карьера. Но Птицелов не сдавался, и проклятые машины били, не жалея сил, да так, что искры – во все стороны.

Секция карданного вала от шагающего экскаватора, которую пришлось использовать Птицелову вместо оружия, становилась все неподъемнее. От собственных богатырских замахов он едва мог стоять на ногах. Дважды он сбивал одного из Лесорубов с его тонких насекомых лап, но машина тотчас же возвращалась в вертикальное положение и сразу кидалась в бой. Птицелову даже удалось выбить секиру из рук второго, но и это лишь ненадолго заставило безликое чудовище отступить.

Семижильный кряжистый мутант понимал, что в этом сражении ему не победить. А точнее, он давно ничего не понимал. Просто размахивал тяжелой секцией и перемещался, стараясь, чтобы Лесорубы не прижали его спиной к одному из известняковых отвалов или к горе ржавых обломков, что когда-то была шагающим экскаватором. Птицелов ощущал приближение смерти. Сквозь кровавую пелену, застилающую взор, он видел лица людей: дорогих и ненавистных, верных друзей и поганных предателей. Вот тонкий и болезненный лик девочки-мутанта Лии; ему бы так хотелось обнять ее еще раз, но – увя... Вот желчная физиономия старшего агента Васку Саада, он же – иномирянин Диего Эспада; это из-за него и козней других грязевиков Птицелов оказался в таком незавидном положении. Вот лицо Колдуна, которому было все нипочем. Вот лица Бошку и Поррумоварруи – эти хорошие люди, хотя первый – мутант без роду и племени, а второй – профессор и носит золотые очки. И вот еще покойный Облом вспомнился – лагерный дружище, Неизвестный Отец в отставке...

Птицелов упал. Секция карданного вала выскользнула из рук, перевернулась в воздухе и рухнула, едва не размозжив мутанту голову.

Известняковая взвесь поднялась в воздух, закружила, точно потревоженная донная мусть в чистом озере. И едва клубы поредели, Птицелов увидел, как Лесорубы, громко клацая разболтанными во время драки суставами, бегут к своему иномироходу. Бегут так, что только пятки из вороненой стали сверкают. Бегут, забыв про него – строптивного человечишку, бросившего вызов тем, кто приходит извне в Мир под светящимся небом.

Зафыркало, завывало невидимое чудовище. Заметалось эхо от одного испещренного птичьими норками склона к другому. Из зенита пал луч лилового света, вонзился в высоченный конус иномирохода. В корпусе массаракш-корабля разверзлось круглое отверстие с влажно блестящими закраинами. Оба Лесоруба, точно чудовищные тараканы, взобрались на подрагивающий от нетерпения или от истомы борт, нырнули один за другим в люк.

Лилового света становилось все больше, и корабль чужаков начал таять в нем, как тает застарелый лед в весеннем ручье.

Птицелов поднялся на ноги, еще не совсем понимая, что происходит. Подхватил покрытую зарубками и вмятинами секцию карданного вала, оперся на нее, словно на гротескный посох. Заорал сипло, невнятно. Погрозил испаряющемуся кораблю кулаком.

Невидимый монстр еще немного помяукал и заткнулся. Иномиряне исчезли. Круглая вмятина на пластах белой пыли и иней на обломках экскаватора – вот и все, что оставил после себя удивительный корабль. Экспертам из Отдела «Массаракш» опять не повезло – работать, считай, не с чем.

Стайка пугливых норушек пронеслась над карьером, нарушая воцарившуюся тишину нервным щебетом. Едва Птицелов попытался поглядеть вверх, как приступ головокружения заставил его опуститься на корточки. Он потер виски ладонями и с удивлением обнаружил, что тот шум, который нарастал внутри черепной коробки, – не следствие ушибов головы, а вполне себе реальный и очень даже узнаваемый. Над склонами зарокотало, промчалась вдоль карьера стремительная тень. А за ней – вторая и третья!

Вертолеты «Гнев»!

Иномирянам повезло удрать. Не пожелаали они испытывать на своих шкурах, чего стоят крупнокалиберные пулеметы. Смылись до того, как к Птицелову подоспело подкрепление. А он решил было, что его пожалели или оставили в живых с какой-то целью! Сбежали, гады, и все тут!

Похожий на глазастую жабу вертолет завис над карьером. Взметнулась до небес пыль, утопив весенний день в удушливой метели. А когда белесая мгла чуть-чуть улеглась, Птицелов увидел спешащих к нему людей. Впереди всех бежал сам начальник сектора «Оперативного реагирования» Отдела «Массаракш» господин Оллу Фешт.

– Где они?! – завопил шеф, размахивая «герцогом».

Его лицо было бело от пыли, но Птицелову казалось, что от ярости. В ответ он смог лишь развести руками.

– Сколько их было?!

Птицелов поглядел на автоматчиков, которые выпрыгивали из вертолета и сразу занимали позиции для обороны. Потом снова посмотрел на шефа.

– Двое... – прохрипел он.

– Массаракш! – Оллу Фешт подпрыгнул от негодования, уставился на пистолет в своей руке и с очевидным сожалением спрятал «герцог» в подмышечную кобуру. – Живой? – спросил он Птицелова скрипучим голосом.

– Так точно, – ответил тот.

– Одобряю... – Фешт защелкал пальцами.

Однако услужливый помощник и «правая рука» начальника сектора Васку Саад не возник за спиной и не подал раскрытый портсигар, как происходило раньше.

– Васку Саад... – Птицелов закрыл разбитое лицо руками. – Предатель... Он грязевик, господин Фешт...

– Массаракш! – выпалил Оллу Фешт и снова полез за пистолетом. – Массаракш!

Глава первая

Перепонка люка лопнула, и Диего Эспада выпрыгнул наружу.

– Подавай, ребята! – крикнул он в теплое нутро корабля, из которого валил пар.

Ему протянули огромный тюк, потом – большой метапластовый ящик, потом – миниатюрную деревянную шкатулку, покрытую черным лаком и расписанную алыми иероглифами. Тюк Эспада оттащил в сторонку. Через секунду присоединил к нему ящик. Шкатулку бережно засунул за пазуху.

– Пока, дружище! – крикнули из люка. – Ни пуха, ни пера!

– К черту! – отозвался Эспада и помахал рукой.

– Передай привет полярникам! – донеслось из корабля.

И перепонка люка опять затянулась.

Корабль мягко подпрыгнул и с негромким свистом растаял в мутно-белесом небе Саракша

Похрустывая настом, Эспада зашагал к поклаже. От приземистых, сливающихся с ландшафтом куполов комконовской базы к нему бежали люди. Эспада помахал и им: «Эхой, товарищи!»

Полярная база КОМКОНа расположилась в уютной ложбине между скалистыми отрогами на берегу крохотного, до дна промороженного озера. Поздняя весна в приполярье Саракша мало отличалась от аналогичного времени года где-нибудь под Диксоном. Хотя окрестные виды, скорее, напоминали Эспаде побережье ледового океана, что на планете Ковчег, на которой он, тогда еще юный стажер Комиссии по Контактам, проходил практику. Но если маленькое лиловое солнце Ковчега по полгода не покидало небосвод, то светило Саракша оставалось невидимым круглый год.

Эспада потянул носом пахнувший морской солью воздух. Океан отсюда только угадывался, серо-стальным обручем охватывая края громадной чаши выгибающегося горизонта. Базу возвели поближе к северной макушке планеты, на последнем островке в цепи подобных, что неровной цепочкой протянулись от материка к полюсу. Дальше простирались только реликтовые ледовые поля, не тающие и в разгар лета. Уединенность островка вполне отвечала целям постоянной экспедиции. Один дежурный звездолет, два ангара, три транспортных бота, пять жилых куполов, пять – служебных, десять сотрудников КОМКОНа. А теперь еще один – прикомандированный от Совета Галактической безопасности Диего Эспада.

Давно миновали времена юных восторгов, когда, высадившись на чужую планету, Диего прежде всего с любопытством озирался. И все-то ему казалось новым и необычным: и низкое непроглядное небо, и чудовищная атмосферная рефракция, и даже сухие былинки, что торчали из редких проталин. И особенно здорово было находиться среди таких же любопытных и восторженных парней и девчат. И мнилось, что ни ему, ни этим отличным ребятам никогда не придется дышать смрадным, с кисло-металлическим привкусом воздухом Столицы или миазмами южных радиоактивных болот.

Никогда и нигде...

Хотя, КОМКОН есть КОМКОН. Если будет нужно, эти парни и девчата, не задумываясь, полезут в любое пекло: уровень подготовки у них приличный. Диего знал это не понаслышке. Единственное, к чему они не готовы, – перестать быть собой, влезть в шкуру местного человекоподобного обитателя, скрыть душу свою в непроглядных сумерках морали. По плану, разработанному на долгих совместных заседаниях Комиссии по Контактам и Совета Галактической безопасности, из всего контингента землян, «аккредитованных» ныне на Саракше, личину аборигена предстояло носить только Эспаде. Во-первых, у него уже был

опыт. А во-вторых, модельное кондиционирование – слишком сложная и стоящая многих человеко-часов процедура. И подвергать оной весь персонал базы – затея расточительная. Да и небезопасна она, эта процедура, если совсем честно. Ох, как небезопасна. Особенно – для психики реалигента.

Правда, не все земляне находились сейчас на полярной базе. Где-то на юге развивал контакт с расой голованов Лева Абалкин. Плел паутину интриг в столичных теснинах резидент СГБ Рудольф Сикорски. И мотался, неведомо где, верный порученец Странника Максими Каммерер, он же герой революции Мак Сим. Теперь к ним предстояло присоединиться и Диего Эспаде...

Полярные жители налетели, словно веселый дружелюбный вихрь. Обняли. Похлопали по плечам, пожали медвежьими лапами худую руку. Подхватили тюк и ящик и смеющейся разговорчивой гурьбой повлекли гостя к жилью.

База жила в напряженной рабочей суете.

– Мишка, а Мишка? Куда механозародыш ставить?

– А что у тебя?

– ДЭУ, модель сто семь.

– Тэк-с... – Цыганистого вида парень лихорадочно перелистывает инструкцию. – Ага... Дезинтегратор экспедиционный универсальный... Ставьте во-он возле того останца... Кремнезем для дезика в самый раз...

– Sorry! – рывкнули над самым ухом Диего.

Он посторонился.

Четверка парней поволокла черное, влажно поблескивающее яйцо механозародыша к одинокой скале. База расширялась. Новые планы КОМКОНа касательно Саракша требовали постройки стационарного космодрома. Поэтому полярные жители трудились не покладая рук. Развивающиеся механозародыши обшаривали эффекторами окружающее пространство в поисках пригодного для строительства материала. Из-под жерл дезинтеграторов рвались в неприветливое небо разноцветные дымки. Звонко стучали перфораторы, жужжали электроотвертки – киберы монтировали шарообразную антенну большого нуль-передатчика.

Чмокнула запирающая мембрана служебного купола, украшенного любовно выведенной синей пятеркой. Навстречу Диего вышел начальник базы Яков Виленович Осиновский, бывший звездолетчик. Старый космический волк недоверчиво окинул взором небесную хмарь. Зябко поежился, кутаясь в нелепую кожаную куртку с меховым воротником. Судя по кадрам старинных хроник, лет двести назад такие куртки носили военные летчики. Нынешние пилоты предпочитали более удобные комбинезоны, но начальник базы был человеком с причудами. Поговаривали, например, что он терпеть не мог лысых, хотя сам был лыс, как колено.

– Неуютное местечко, не правда ли? – осведомился Осиновский, обменявшись с прибывшим рукопожатием. – И кому это понадобилось ставить базу на полюсе?

Вопрос был риторическим, но Эспада отозвался:

– Прежде всего это нужно нашим пилотам, Яков Виленович. Пространство над полюсами не контролируется средствами местной противоракетной обороны.

– Я и говорю, неуютное местечко, – откликнулся начальник базы. – И кому это взбрело в голову обстреливать звездолеты ракетами?

На этот вопрос Эспада отвечать не стал. Была у Осиновского такая странная манера – задавать вопросы, не требующие ответа. Случалось, до отчаяния доводил практикантов, которых присылала Комиссия к нему на стажировку. И ведь не по злобности характера, а только лишь по закоренелой привычке, которая появилась у космического волка вместе со злополучной лысиной. Капитан Яков Осиновский умудрился спасти экипаж и всех пасса-

жиров, когда Д-звездолет «Геркулес» рухнул в метановый океан планеты Сарандак, но сам обгорел, как головешка.

– Ладно, – сказал бывший капитан. – Ступай в рубку, Диего. Этот плешивый голован тебя уже заждался.

– Сикорски? Как он? – поинтересовался Эспада. – В духе?

– Ступай-ступай, – ласково проговорил Осиновский. – Сейчас сам увидишь.

Изображение на экране нуль-передатчика рябило и мигало. Казалось, что собеседник строит дикие гримасы в болезненном несоответствии с произносимыми словами, и Странник с трудом сдерживается, чтобы не мигать и не морщиться в ответ. Тем более, слышимость тоже была неважной. И резиденту СГБ на планете Саракш приходилось все время переспрашивать, до боли вдавливая в багровое оттопыренное ухо горошину репродуктора.

– Что у тебя там со связью, дьявол побери?! – бурчал Странник.

– Не знаю, Рудольф, – оправдывался собеседник. – Помехи... Повтори еще раз, пожалуйста.

– Повторяю еще раз, – смиловился Странник, – но больше не стану... Происходящее на Полигоне напоминает селекцию по неизвестному нам принципу. Проще говоря, картина следующая: часть сотрудников проекта стремятся покинуть Полигон всеми правдами и неправдами, причем другая часть рвется в бой. Работают с утра до ночи, без отдыха. Являют невиданный в здешних условиях энтузиазм. Очень напоминает лучевые удары, но в окрестностях Полигона не обнаружено ни одного действующего излучателя. Да и кому в сущности надо, чтобы одни специалисты в панике покидали проект, а другие работали на износ? Диверсантам Островной Империи? Не думаю. Слишком громоздко для диверсии. Ни Хонти, ни Пандея тем более на такое не способны. Остается предположить одно – пришельцы извне! Ты хорошо меня слышишь, Мак?

– Да, – отозвался собеседник. – Да, Рудольф, теперь хорошо.

– Пришельцы, которых Комов и Раулингсон позорно прошляпили...

– Они не были готовы, Рудольф...

– Не перебивай! – рявкнул Странник. – Есть мнение, что пришельцев, кем бы они ни были, интересует деятельность аборигенов в кризис-зонах. Взаимодействие примитивного социума с высокими технологиями и тому подобная мерехлюндия... Меня же, Мак, волнует другое. Кто-то путается у нас под ногами. Кто-то достаточно могущественный, чтобы оставаться неуловимым, но, к счастью, не всесильный. По крайней мере, их машины уязвимы для наших скорчеров, что не может не радовать.

– Понял, Рудольф! Мне следует прибыть на Полигон...

– Нет, Мак, – сказал Странник. – В Столице ты мне нужнее. Все, отбой!

Странник отключил связь, оттолкнулся от края стола и развернулся лицом к вошедшему.

– Здравствуйте, Экселенц! – Эспада, который успел скинуть доху, с легким поклоном протянул лакированную шкатулку.

Странник принял ее, покачал на широких ладонях и поставил на стол.

– Благодарю, – буркнул он. – С прибытием!

Эспада поклонился вторично.

– Давай-ка без церемоний, – отмахнулся Странник. – У меня мало времени. Садись.

Он указал на низенький диван у стены. Эспада послушно уселся.

– Ты слышал наш разговор? – спросил Странник.

– Да, Экселенц! – откликнулся Эспада.

Странник поморщился.

– Я же сказал: без церемоний. Мы не на татами...

– Понял вас!

– Хорошо. Значит, повторять больше не придется, – пробормотал Странник. – Разумеется, я знаю о прекраснотушних комконовских планах тотальной гуманизации здешнего социума. Но у нас с тобой, Диего, несколько иные планы.

– Понимаю... Рудольф.

– Это хорошо, Диего, что понимаешь, – откликнулся тот. – Далеко не все, к сожалению, понимают... – Странник задумался, зеленые его глазищи подернулись пленкой, словно зрачки дремлющей птицы, но через миг уже вновь сверкали демоническим блеском. – Так вот, Диего, мне нужны твои пресловутые электрические кальмары. Собственно, потому я тебя и вызвал... Главное – собрать как можно больше исчерпывающей информации об этих существах. Данных должно быть достаточно, чтобы космобиологи смогли представить исчерпывающую справку: имеем ли мы дело с некой разновидностью местных головоногих или же с формой жизни инопланетного происхождения. И пока я не буду знать точно, что такое эти электрические кальмары, они у меня числятся по разряду потенциальных угроз. На тебя падет основная нагрузка. Работать будешь сам. Здесь, на севере. Без помощи и без связи. Вернее, можно будет подать единственный сигнал, если найдешь что-нибудь действительно важное или... если станет совсем туго. Ты знаешь, как это сделать.

– Я готов, – без колебаний сказал Эспада.

– Не сомневаюсь, – буркнул Странник. – Если верить старине Грегори, ты лучше остальных подготовлен к одиночным миссиям... Вопросы есть?

– Модельное кондиционирование разработано под матрицу личности Васку Саада, – сказал Эспада. – Нужна ли мне дополнительная легенда?

– Не будем огород городить, – отмахнулся Странник. – Я уже договорился с нашим горцем... Агенту Васку Сааду поручается провести поиск в прибрежной зоне на предмет обнаружения иномирян и, по возможности, пресечения их враждебной деятельности. Мы с тобой, конечно, понимаем, что дело это отнюдь не простое, да и старый греховодник Поррумоварруи понимает тоже, но ему в такие тонкости вникать необязательно. Главное – у тебя есть самые широкие полномочия.

– Да, – протянул Эспада озадаченно. – Но ведь Васку Саад наверняка разоблачен как агент грязевиков.

– Можешь не сомневаться, – сказал Странник. – Однако в ситуации, когда запуск «Семерки» под угрозой срыва, Поррумоварруи готов сотрудничать хоть с чертом лысым... И нечего ухмыляться, господин М-агент! – резидент СГБ машинально провел рукой по темени, на котором было давно уж не найти и волоска. – Немедля отправляйся в район Полигона. Взирайся на айсберги, ныряй на самое дно, присматривайся к любой рыбешке, к любому чучуни, который тебе покажется подозрительным, но найди мне этих мифических кальмаров. Задание ясно, товарищ Эспада?

– Ясно, товарищ Сикорски!

– Сейчас же вылетишь в район Полигона, – продолжил Странник. – Яков даст тебе координаты места высадки. Там есть, где спрятать бот от посторонних глаз. Документы на имя Саада, одежда, оружие – все готово. У нас есть карта, на которой отмечены районы наибольшей биологической активности, – изучишь ее на базе. Никаких распечаток! Хватит подбрасывать нашим друзьям из Отдела «М» секретные материалы. Мы и так уже наследили...

Черные матовые бока десантно-транспортного бота были еще теплыми, когда Эспада закончил погрузку оборудования. Он закрепил последний ящик, вылез попрощаться. Провожать его, разумеется, пришли все обитатели базы. Женщины подозрительно шмыгали носами. Мужчины натужно шутили. Осинковский пожал ему руку последним. На мгновение задержал худую крепкую кисть Эспады в своей лапище.

– Если что, мы всю здешнюю тундру на дыбы поставим, дружище!

– Ни в коем случае, Яго, – серьезно откликнулся Эспада. – У вас свои задачи, у меня свои. Если удастся добыть материал, работы вам хватит до конца летовки. А то и на зимовку останется.

– Справимся, – отмахнулся капитан «Геркулеса». – Не впервой. Нам из-за Голубой Змеи чего только не подбрасывают.

– Ас севера? – поинтересовался Эспада.

– Случалось, – отозвался Осиновский. – Правда, на севере интересных мутаций меньше... Ладно, стартуй, солдат.

– Так уж и солдат?

– Ну... в обобщенном смысле... Как это называлось раньше?.. Боец невидимого фланга, кажется?..

– Фронта.

– Ладно. Спокойной плазмы, фронтовик!

– Спасибо.

Эспада обнял бывшего капитана, козырнул остальным и нырнул в люк.

Черное яйцо бота плавно взвилось в фосфоресцирующее небо, вспугнуло стайку любопытствующих крылатых и наискось рвануло в направлении океана...

Диего Эспада вскрыл тюк, вытащил защитный комбинезон. Натянул поверх «штатского». Осмотрел себя, хмыкнул: «Хорош бы я был в столичном костюме среди тундровых болот...» Мысль эта – не мысль даже, а мыслишка – принадлежала уже не землянину.

Едва бот коснулся посадочными опорами щебенки у подножия скалистого выступа на побережье, Эспада набрал на дисплее бортового компьютера семизначное число. На плоском экранчике появились три слова, по семь букв в каждом: ВЫПЛАТА, НИКОГДА, БЕГСТВО.

Электронные письма не успели растаять на жидкокристаллической скрижали, а землянин Диего Эспада уже исчез из пилотажной рубки транспортного бота. Вместо него появился гражданин Свободного Отечества, оперативный агент Отдела «Массаракш», господин Васку Саад. Впрочем, землянин не исчез полностью, та часть его личности, которая была эмиссаром Совета Галактической безопасности, сохранилась в подсознании агента Саада полностью. Да и не только – в подсознании. Однако Диего Эспада для Васку Саада был кем-то вроде покойного брата, воспоминания о котором вызывали сожаление, досаду и беспокойство одновременно. В наиболее сложных с нравственной точки зрения ситуациях Васку Саада словно бы спрашивал себя: а как поступил бы на моем месте несчастный Диего? По замыслу разработчиков модельного кондиционирования этот психологический кунштюк должен был удерживать сотрудника СГБ от падения в совсем уж бездонные аморальные бездны, но гарантировать, что обязательно удержит, не мог никто.

Перепрыгивая с одного замшелого валуна на другой, Васку Саад отдалился на некоторое расстояние от места посадки и оглянулся. От диковиной яйцеобразной машины, которая доставила его в береговую зону Полигона, и след простыл. Саад пожал отягощенными рюкзак плечами и попрыгал дальше; он уже забыл, что самолично активировал автоматику, которая изменила окраску обшивки, сделав корпус бота неотличимым от скалы.

Прибой с грохотом перекачивал крупную гальку. Среди прибрежных валунов то и дело попадались вынесенные приливом льдины, медленно истаивающие под лучами Мирового Света. Саад старательно обходил их. И все равно наткнулся на неприятную находку.

Он еще издали приметил стаю крысланов, которая кружила над темной массой, отчетливо различимой на синевато-серой льдине. Время от времени крысланы садились на льдину, подбирались к этой массе, приплясывали вокруг нее и вдруг начинали неистово

драться. Саад подобрал обглоданное морем весло, швырнул в скопище драчунов. Крысланы с шипением и злобным кваканьем поднялись на крыло. Агент

Отдела «М» запрыгнул на льдину, чавкая пластиковыми подошвами ботинок, приблизился к предмету обостренного интереса морских падальщиков, взгляделся и сплюнул.

– Массаракш! – прошипел он не хуже крыслана.

Если ты не родился на Саракше, если не привык едва ли не ежедневно смотреть в лицо смерти, если равнодушие к чужой беде не стало твоей второй натурой, то, пожалуй, ты не смог бы вынести этого зрелища без тошноты. Как личность агент Саад не существовал в самом прямом изначальном смысле этого слова – он был придуман в Лабораторном центре знаменитого психоконструктора Грегори Дикинсона, возведенном на планете Пандора, среди величайших в обитаемом космосе Алмазных дюн. Психомаска Васку Саада, выходца из столичных трущоб, выпестованного полумертвой от недоедания и тяжелой работы матерью-одиночкой, отлично приросла к личности землянина Диего Эспады.

Поэтому Саад лишь мельком взглянул на обезображенный труп чучуни-рыбака, сплюнул еще раз и зашагал дальше.

Глава вторая

Птицелову не нравилось жить в Столице, Птицелов любил простор.

И Лия не любила Столицу, и сын их, названный в честь деда – Киту, тоже никогда не полюбит этот пропитанный ядовитым смогом город обозленных на весь Мир людей.

Но у Птицелова в Столице была работа, и очень важная – государственной значимости – работа, поэтому ему и его юной жене пришлось научиться не замечать душевных колик. Тем более что в пору экономического кризиса семья нового начальника сектора «Оперативного реагирования» Отдела «М» с типичным для южного выроodka именем Птицелов сын Сомы устроилась не так уж и дурно. За казенный счет получили трехкомнатную квартиру в старом, имперской еще постройки, доме с колоннами возле парадного входа, высочеными потолками и лепниной на стенах. Правда, записана она была на некоего Ваггу Хаззалгского, о котором Птицелов – ни сном, ни духом. Даже счета, приходящие на это имя, он поначалу просто выбрасывал в мусоропровод. После того как его специальным уведомлением вызвали в муниципалитет и чиновник прежней закалки, обращаясь к Птицелову «ваше высочество», принялся излагать о «недопустимости такой несознательности среди лучших жителей города», Птицелов понял, что от него чего-то хотят. Он объяснил чиновнику, кого они в деликвентских бараках называли «высочествами» и к кому обращались в среднем, а также в женском роде. Скандал не случился благодаря профессору Поррумоварруи, который подоспел вовремя, чтобы увезти Птицелова на своем лимузине от греха подальше. И всякий раз, когда к нему обращались «ваше высочество» или «герцог Вагга Хаззалгский», Птицелов лишь пожимал плечами да почесывал крепкий затылок. В душе он оставался тем же простоватым парнем, воспитанным мутантами за Голубой Змеей. Но теперь уже платил по счетам, благо оклад на новой должности позволял это делать, не морщась.

Оллу Фешт, возмущенный и оскорбленный предательством Васку Саада, рыл нынче землю. Бывшему гэбисту удалось найти сторонников в самом Комитете по Спасению Свободного Отечества – в основном среди тех, кто имел зуб на Странника. Оллу Фешт готовился возглавить какое-то новое ведомство, о котором говорили лишь то, что в отличие от Отдела «Массаракш» оно будет не изучать иномирян, а контролировать их деятельность в Мире. В Отделе «М» ведомство-конкурент называли «Массаракш-2».

– Будь тверже с этими высоколобыми тихоходами, – напутствовал Птицелова Оллу Фешт, передавая дела. – Теперь во всем Отделе «М» лишь один человек дела. Это ты, понял?

Птицелов прекрасно все понимал. Фешт хотел, чтобы он, Птицелов, оставался его глазами и ушами в управлении Отдела «М». А когда нужно – и говорящей головой.

– Сынишка как? – словно невзначай интересовался Фешт, вручая преемнику ключи от сейфа и печать. – Слыхал, будто он красив, как мама, и силен, как отец?

– Да, господин Фешт. Растем потихоньку! – мямлил Птицелов, не зная, куда глаза девать.

– Ну-ну-ну... – улыбался Фешт: очень некрасиво улыбался, неумело; было видно, что он делает это крайне редко. – Вы ему десенки массируйте, так зубкам будет легче резаться. Палец макайте в молочко и массируйте.

– Слушаюсь, господин Фешт, – невпопад отвечивал Птицелов.

Сынишка действительно рос – парень хоть куда. Здоровенький, с отменным аппетитом. Изящный, не рыхлый, как большинство младенцев. Тихий, не капризный, любознательный, вдумчивый. На круглой его головке прорастала серебристая шерстка, а зрачки еще по-детски мутных голубых глаз были как две вертикальные черточки.

То есть не похож он был ни на мать, ни на отца, ни на дедушку Киту.

Знал Фешт про сына Птицелова. Знал и намекал. Будто Птицелову и без того неприятностей не хватало.

А потом все завертелось и встало с ног на голову.

Толстенная закурапия из Департамента Управления Лагерями легла на стол шефа сектора «Оперативного реагирования».

Птицелов перелистал бумаги от начала до конца, читая по диагонали и силясь уяснить, в чем же подвох.

«Спецлагерь 1081» – написал Птицелов на чистой странице раскрытого еженедельника и дважды подчеркнул.

Это было то еще райское местечко. Да, именно там Птицелов, будучи грязным и вшивым делинквентом – или воспитуемым, если на старый лад, – когда-то натирал мозоли на раскорчевке. С ним рядом был верный друг Облом. Облома потом «подрезал» мезокрыл – трехметровый летающий ящер с твердым клювом и костяной пилой на хвосте. Да каких только тварей в юго-западных джунглях не встретишь... Радиоактивная водичка из Голубой Змеи собиралась в затоках. Развалины Курорта светились по ночам. Зверье и даже насекомые вымахивали до огромных размеров. Растения обретали зачатки разума, чтобы нападать и обороняться.

А еще на раскорчевке Птицелов познакомился с Малвой. Малва – она была не такая, как Лия. Сначала Птицелов думал, что любит Малву, а потом оказалось, что дэчка с мужскими плечами и толстыми волосатыми щиколотками и не Малва вовсе. И теперь ее персоной занимается сектор «грязевиков» Отдела «М». Впрочем, это уже совсем другая история...

«Марта» – написал Птицелов чуть ниже. Поставил знак «равно» и добавил: «Грязевики».

Гм, в лагере волнения.

Само собой волнения! Проторчи год-другой в этом радиоактивном котле, поневоле начнешь волноваться. На расчистке народ гибнет каждый день, охрана лютует, а сам комендант Боос Туску по прозвищу Хлыщ – редчайшая сволочь, ну просто всем сволочам сволочь. Причем условия содержания лагерного люда хуже некуда. Если в столичных магазинах на полках шаром покати, то кто будет о дэках заботиться?

Еще при Птицелове в 1081-м повара в жарчку опилки или дерть добавляли для сытности. Воду пропускали через многоуровневую систему фильтрации, она становилась желтой, как моча, и мерзкой, как чужие слюни, но все равно фонила – даже кустарные дэковские счетчики регистрировали радиацию. А что там сейчас творится, лучше не думать... Но думать придется.

То есть при таких слагаемых бунт – лишь вопрос времени. И то, что охрана присоедилилась к негодующим делинквентам, тоже не удивляет: у тех пайка ненамного сытнее. Кроме того, джунгли и радиация не разбирают, кто какого цвета носит комбинезон. Охранники на раскорчевке гибнут столь же часто, что и дэки.

Но вот какого дьявола в донесениях черным по белому написано, что восстанием руководит сам Боос Туску?

«Хлыщ Туску» – подписал Птицелов еще ниже. Рядышком поставил три знака вопроса.

Хлыщ имел все, что желал. С его биографией трудно было мечтать о большем. Какникак Туску – пособник бесчеловечного режима Неизвестных Отцов. А в Юго-Западном Особом округе у него было тепленькое местечко, приличный оклад, армия быдла в подчинении, а также все самые хорошенькие дэчки. На раскорчевку его никто не гнал и опилки жрать не заставлял. То есть для пенсионера Хлыщ был устроен весьма недурно.

Тогда как понимать его действия?

Две тысячи делинквентов, а вместе с ними – полтысячи охранников, покинули территорию, на которой велись работы по расчистке джунглей. Без всякого на то приказа, без

согласования с командованием округа. Оставили за спинами опустевшие бараки, двинулись толпой, вооруженной, к слову, тяжелыми огнеметами, карабинами, газовыми гранатами, самострелами и просто очень большими и тяжелыми топорами, прямо на юг.

Птицелов нарисовал стрелку, направленную вниз. По обе стороны от стрелки намалевал всякие кустики, деревца и решетчатые башенки.

Естественно, по джунглям не пойдешь, как по шоссе. Маленькая армия Туску продвигалась медленно, но неотвратно. Им навстречу выдвинулись дэки с раскорчевок соседнего 1089-го спецлагеря. После короткой и не очень кровопролитной драки бунтарский дух взвыл и у соседей. Они объединились с людьми Туску и пошли себе на юг дальше. На пути был их собственный лагерь и стройплощадка башни противобаллистической защиты (не из тех, что были раньше, а настоящих, без дураков!). Комендант 1089-го успел удрать на вездеходе, именно он и подтвердил, что Боос Туску верховодит всем этим безумным действием.

Срыв работ по строительству башен ПБЗ – это нечто вроде диверсии, направленной против государства в целом. Командование округом бросило в джунгли десантный батальон – а что они еще могли предпринять?

Птицелов закурил, отодвинув папку, еженедельник, чернильницу и перьевую ручку. Подтянул поближе пепельницу.

Он представил, как одетые в камуфляж, сытые и удалые десантники, разбившись на взводы, атакуют со всех сторон оборванную, голодную, дурно пахнущую толпу. Бьют короткими очередями автоматы, плюются зарядами гранатометы... Делинквенты – мужчины и женщины, охранники и служащие из администрации лагеря, все, кого нелегкая понесла вслед за Туску, неожиданно кидаются врассыпную. Десантники понимают, что бунтари не знакомы ни с тактикой, ни с дисциплиной. Что ж, этого и следовало ожидать... Как только в воздухе запахло паленым, дэки перестали быть армией, теперь каждый из них – сам по себе. Они ищут спасение в отчаянном бегстве: напролом, через заросли, куда глаза глядят.

А дальше происходит нечто странное, если не сказать больше. Дэки рассредоточиваются на нескольких квадратных километрах джунглей. Десантники оказываются внутри этой разрозненной массы. Выстрелы смолкают, взрывы гранат больше не сотрясают землю.

Делинквенты снова собираются вместе и идут как ни в чем не бывало на юг. С ними отправляются и десантники – хорошо вооруженные вышколенные солдаты и офицеры. Наверное, это было первое массовое дезертирство со времен бунта Неизвестных Отцов. Что такого мог пообещать десантуре Хлыщ Туску, что они, как один, забыв про долг, карьеру, честь и оклад, отправились в путь вместе с его лагерным сбродом?

И куда? Опять – на юг.

А что на юге?..

Птицелов подтянул к себе еженедельник, макнул перо в чернильницу. Написал: «ЮЖНЫЙ ПАРК».

Квадрат 91/16. Обширная кризис-зона на краю континента, где на каждом шагу – по смертоносному сюрпризу. Дэкам из спец-лагеря 1081 эта проклятая земля крепко запомнилась. Туску уже гонял туда своих подопечных – отстреливать падких на человечину животных-мутантов и подбирать, что плохо лежит. В прошлый раз так командование Округом распорядилось; в прошлый раз это не было отсебятиной. В кризис-зонах попадались всякие дикие штучки... странные устройства, вроде как не в Море созданные. В общем, добра от них ждать не приходилось. Но ученым, а тем более – военным ученым, они доставляли немало приятных минут. Птицелову и еще нескольким дэкам довелось пройти «Южный парк» от края до края. Он был уверен, что по собственной воле туда больше никто не сунется.

А эти вот шли. И сам Хлыщ с ними...

Птицелов перечитал свои записи. «Спецлагерь 1081».

«Марта = грязевики».

«Хлыщ Туску».

«ЮЖНЫЙ ПАРК».

Получилось подобие логической цепочки...

Птицелов подумал-подумал и зачеркнул «Марта». А «грязевики» обвел.

Вряд ли Малва вернулась в маленькое царство Бооса Туску и подбила Хлыща на этот демарш. Скорее всего, тут приложил руку «свеженький» агент иномирян. Птицелов отлично помнил, насколько убедительными могут быть грязевики – эти неотличимые от людей пришельцы из враждебного Массаракша. Очевидно, Туску, сам того не подозревая, превратился в исполнителя воли злокозненных иномирян. Честолюбивому Хлыщу подсунули некую наживку, и тот клюнул, как последний «доходяга», если говорить на лагерном жаргоне.

К тому же грязевиков всегда интересовало, что творится в кризис-зонах. «Игрушки», добытые там, доставляют им столько же радости, сколько и военным ученым Свободного Отечества. Вот и решили иномиряне прошерстить «Южный парк» руками делинквентов. Ведь жизнь дэка – не дороже банки консервированных бобов.

Птицелов зачеркнул «Хлыщ Туску». Кто такой Хлыщ? Кукла на ниточках, говорящая голова, вроде него – Птицелова. Только Птицелов знает, что над ним стоит Оллу Фешт и «Массаракш-2», а вот Туску ведать не ведает, под чью дудочку танцует.

Он поглядел на то, что осталось незачеркнутым. Рабочая версия худо-бедно выстроилась.

Правда, оставалось непонятным, чем грязевики смогли подкупить сидельцев из соседнего 1089-го спецлагеря. А как иномиряне договорились с десантурой – вообще тайна, покрытая мраком. Но в процессе все станет на свои места. Стоит только начать работать, как это всегда бывает.

Птицелов перебрал клавишу селектора.

– Нолу, профессор еще у себя?

Ответ последовал с ощутимой заминкой.

– Да, господин Птицелов. Но он собирается выехать в Академию и распорядился подать автомобиль. Вам придется поспешить, если хотите застать его на месте.

Птицелов хлопнул себя по лбу. Рыбка Нолу умерла от рака, месяца не прошло. Теперь в кресле секретаря Поррумоварруи сидит

Тана – расторопная и говорливая девица с типичным хонтийским темпераментом. Он же, оставаясь мыслями в южных джунглях, совсем забыл... Массаракш, неудобно как-то получилось.

– Тана, попросите профессора задержаться, – проговорил Птицелов. – Я сейчас бегу к нему.

Он открыл дверь своим ключом.

Осторожно вошел в прихожую, пристроил на тумбочку авоську и принялся снимать туфли. В городе в эти часы не было электричества, а в прихожей у него – как на стройке. Козелок стоит у стены, под ним – ведра с известкой, тут же стремянка собранная, щетки и кисти на длинных ручках. Потолки-то высоченные, а заливали бывшие соседи сверху бывших же владельцев этой квартиры что ни месяц. Вот он и хотел маломальский ремонт сделать, раз здесь поселили.

Но, видимо, придется перетерпеть до лучших времен.

Лия была на кухне. Там горела керосиновая лампа и мелькали тени. Птицелов отыскал тапки, подхватил авоську и пошел на свет.

Его юная жена, стоя на табурете, развешивала пеленки. Веревок Птицелов натянул в квартире, как паука – паутины. Лия ни до одной не доставала, но если бы он прикрепил

веревки чуть ниже, то пришлось бы ему передвигаться по жилищу, согнувшись в три погибели.

– Ну почему он всегда какает в одно и то же время? – пожаловалась Лия, едва Птицелов переступил порог. – Не думается мне, что это нормально...

– Может, доктору покажем? – в тон жене пошутил Птицелов.

Лие радоваться бы, что не приходится ей вскакивать по ночам – греть воду и омыwać ребеночку все, что требует омовения. Спит малыш крепко, даже завидно иногда становится, так крепко он спит. Ну, бывает, титьку попросит разок, покушает немного, а потом до самого утра – хоть из автомата над ухом пали. А она встревожена.

Бойтся того, бойтся этого... Как будто не в столичной квартире живет, а в лачуге на краю разрушенного войной и теперь уже безымянного города. Там по ночам шастают упыри, высматривая зазевавшихся мутантов, чтобы утащить их в подземку. Там в невысыхающих болотцах на дне воронок живут ящеры-мясоеды. Туда с приходом опалесцирующего сумрака наведывается Смерть с Топором – Темный Лесоруб, и дети выходят к ней сами – спящие, покорные.

Там нужно было бояться всего. А здесь – разве что случайных генофобов, ненавидящих мутантов.

Лия оглянулась. Сверкнула полными слез глазищами из-под платка, низко опущенного на деформированный мутацией лоб.

– Доктору покажем, – пробурчала, скрестив на груди худенькие руки. – Доктора, они ведь с нами, мутантами, не цацкаются...

Птицелов вздохнул. В нем – молодом начальнике сектора «Оперативного реагирования» Отдела «М», повидавшем на своем веку смерть, предательство, чудовищных мутантов кризис-зоны и пришельцев из Массаракша, – жила трогательная смесь любви и жалости к этому бедному, маленькому, затравленному зверьку. Он принялся вынимать из авоськи на стол добычу: пару банок овощной икры, куриный окорочок, завернутый в промасленную бумагу, коробку макаронных рожков и сладкую соевую плитку «К чаю». Продукты он купил в магазине, который работал при общепитии Отдела «М», а сладкую плитку – в буфете.

Лия сначала обрадовалась – на ее обычно болезненно-бледных щеках появился румянец, – а потом спросила жалобно:

– Молочка не купил? Я же просила...

– Зато – вот! Гляди! – Птицелов толкнул по столешнице сверток с окорочком. – Пожарю, пока свеж.

– Ой, а я как раз каши наварила! – похвасталась Лия.

– Что ж, гарнир у нас уже имеется, – обрадовался Птицелов. – А я сейчас курицу топориком, а потом – на сковородку, с лучком, маслом...

Лия крикнула, потянулась и прицепила к веревке последнюю пеленку. Потом она присела на табурет, поболтала ногами в длинных шерстяных носках. Птицелов, как мальчишка, уставился на ее острые коленки.

– Гляжу, все бережешь и бережешь ты меня, Птицелов, – улыбнулась она, наклонив голову вбок. – Как с маленькой со мной нянчишься. А у иных в мои годы – не один, а двое и трое деток!..

– В стране, вообще-то, голод и разруха, – напомнил ей Птицелов, принимаясь разворачивать курицу. – Вот восстановим хозяйство, можно будет и о прибавлении в семействе позаботиться.

– Я в ваших политиках не разбираюсь, – отмахнулась Лия. – А вдруг с тобой и мной что-то случится? А Киту – он такой непохожий на остальных. Он не должен остаться один...

– Да что с нами в Столице может случиться! – натужно усмехнулся Птицелов, о предстоящей командировке в джунгли пока говорить не хотелось. Он сообщит, но не сейчас, а чуть попозже. Пусть этот вечер пройдет без слез...

– Мне не нужна эта квартира и эти удобства! – Лия вскочила с табурета, прошлась по кухне туда-сюда. – Мне нужно, чтоб простор был, чтоб вода – из колодца. Чтоб люди с добрыми глазами вокруг и чтоб ты – всегда рядом! Давай вернемся к своим – к мутантам!

– Люди с добрыми глазами! Как же... – буркнул Птицелов.

Вспомнилось, как эти «свои» чуть было не скормили Лию упырям. За то, что вернулась в поселок с Киту в животе. Из Массаракша вернулась, да, было дело...

– Ты бы сам построил дом, – защebetала Лия. – Ходил бы на охоту и охранял нас с Киту от упырей. А я бы заваривала тебе вкусный чай из трав. И сидела бы у окна, ожидая, когда ты придешь – мой женишек с топором...

– Что-что?.. – спросил Птицелов неожиданно севшим голосом.

Лия-Лия, что с тобой творится? Черный Лесоруб не идет у тебя из головы! Мне придется тебя оставить – быть может, надолго. Что же делать?

– А что? – не поняла Лия.

Их диалог прервал глухой стук. Они посмотрели сначала друг на друга, а потом в сторону темной прихожей.

– Киту шалит, – сказала Лия громким шепотом. – Проголодался, поди, кроха.

– Ну, идем. – Птицелов снял со стены керосинку. – Чего ждать?

Маленький Киту сидел в кроватке и колотил игрушкой – обшарпанным деревянным гвардейцем – по изголовью. Он не плакал, он был сосредоточен. Сверкнули вертикальные зрачки, отражая свет керосинки, когда его родители вошли в комнату.

Лия распахнула халатик, взвесила в ладонях груди, выбирая ту, в которой больше молока. Взяла Киту на руки, присела на край кровати и принялась кормить, кусая губы и поглядывая искоса на мужа.

Вспыхнула лампа под старым, от прежних хозяев, абажуром. Ожила радиолка и принялась вещать с середины фразы. «...Побывал в школе-интернате для сирот войны. Герой революции принял участие в открытии новой библиотеки и спортивного зала. Мак Сим показал учащимся школы-интерната, что такое спортивная подготовка в его понимании, совершив под овации присутствующих десять подъемов-переворотов подряд...»

– Во! Теперь живем! – обрадовался Птицелов.

В ярком свете и жена не выглядела бледной и болезненной, и Киту был не так странен и чужероден. Лия повернулась к Птицелову и шумно вздохнула. Сосок на ее «свободной» груди был красен, как свежая рана.

Ради этого существа он пустился когда-то в длинный и опасный путь. Из поселка мутантов – в гарнизон, из гарнизона – в южные джунгли, из джунглей – в Столицу, а потом круг замкнулся...

Птицелов прошел на кухню. Отыскал чистую разделочную доску и нож побольше.

– Лия! – крикнул, пристраивая на доске окорочок. – Ты что посуду не помыла? Опять плохо себя чувствовала?

– Тише-тише! – попросила Лия. – Нет, со мной все хорошо...

Врет, понял Птицелов, а затем застучал топориком. Бац-бац-бац, и окорочок разделен на куски.

Птицелов включил газ, налил в сковороду растительного масла, накидал мяса. Взял лопатку и стал с деловитым видом жарить.

К нему подошла Лия. Заглянула через плечо.

– Ну кто ж так делает, – вздохнула она. – Горе мое, и кто тебя только научил так с мясом обращаться?..

– А чего? Нормальные куски... – неуклюже отозвался Птицелов.

– Нормальные? – удивилась Лия. – Иди лучше с ребенком побудь, мутуша несчастный...

«Тяжело им будет без меня», – думал Птицелов, слушая дыхание спящих Лии и Киту.

Это было несколько часов спустя: после того, как они покончили с курицей и остатками каши, после нехитрого досуга, в который входили прослушивание вечерних радиопередач и занятие любовью под ночную трансляцию фортепьянной музыки. Тяжелые мысли не давали Птицелову уснуть.

В упреках Лии имелось здоровое зерно. Это только на словах, что мол «мутант – не выродок ужасный, а брат твой, добрый и несчастный». В действительности, если Лия – худенькая, лысенькая, с головой неправильной формы – столкнется на улице с бандой генофобов, ей сильно не поздоровится... Да что там – генофобов! Шпаны развелось – так и шныряет по подворотням. Каждый в Столице может обидеть Лию, а ей ведь едва-едва шестнадцать исполнилось. Постоять за себя не умеет, город не знает. Где каких продуктов раздобыть, тоже не знает.

И профессора Поррумоварруи не попросишь присмотреть. Подкосила темнокожего горца смерть Рыбки Нолю. Все чаще старик об отставке поговаривает.

Остается только Оллу Фешт. Но это все равно что попросить позаботиться о жене и ребенке упыря.

А иного выхода, наверное, не существует.

Ведь завтра он, Птицелов, отправляется в дельту Голубой Змеи.

На юг, на юг! В радиоактивные джунгли, где неожиданно дала о себе знать агентура грязевиков...

Глава третья

Одноглазый Волк, выкатив единственное, налитое кровью буркало, воззрился на штатского. Потом перечитал радиограмму. Снова воззрился. К сожалению, тощий хлыщеватый субчик не был плодом расстроенного воображения, равно как и недвусмысленный приказ командования, который не подлежал обсуждению. Командиру субмарины «Тигровая Скорпена» контр-адмиралу Алу Вуулу предписывалось всячески споспешествовать сотруднику некоего Отдела «М» Департамента Специальных Исследований Васку Сааду в его поисках.

Ладно, личность знакомая. Еще год назад, когда контр-адмирал командовал не субмариной боевого охранения, а штрафной «гондолой», этот Саад в компании с южным вырожденком и стариком-чучуни искал в полярных водах каких-то диковинных кальмаров.

«Неужто опять за ними гоняться придется? – подумал Вуул с горечью. – Проклятое невезение! Массаракш и массаракш! – Одноглазый Волк с хрустом сложил депешу и спрятал ее во внутренний карман кителя. – Что я им, чучуни-рыбак?! Сняли судимость, вернули звание... И на тебе!.. Проклятый Саад...»

– Прошу садится, господин Саад! – подавив раздражение, светски пророкотал моряк.

– Благодарю, господин контр-адмирал! – откликнулся агент Саад, опуская поджарый зад в кожаное кресло.

Прошелестела сдвижная дверь. Вошел кок с подносом, уставленным кофейным прибором и тарелками с легкими закусками.

Вуул садиться не спешил, взял со специальной подставки трубку, принялся ее вдумчиво раскуривать.

Васку Саад с рассеянным любопытством озирали командирскую каюту. Он помнил ее не слишком чистой берлогой, хозяйину которой изменила флотская привычка к порядку. И вот подишь ты... Не прошло и года, а к Одноглазому Волку вернулись его контр-адмиральские замашки. Командирская каюта на борту бывшей штрафной субмарины, ныне получившей имя «Тигровой Скорпены», радовала глаз золотым блеском начищенной меди и благородством мебельной полировки. Да и не только каюта! Вся лодка была теперь вылизана до блеска. Превосходно работала вентиляция. По переборкам не сочилась вонючая слизь. Реактор – Саад хорошо это чувствовал – не фонил. Ну... почти. В пределах допустимой нормы.

Одноглазый Волк отпустил кока, уселся напротив гостя и самолично налил ему кофе.

– Как там наша Столица, господин Саад? – поинтересовался моряк.

– Растет и строится, – отозвался тот и добавил с усмешкой: – Тяжкое наследие режима Отцов успешно ликвидируется.

– Похвально, – буркнул контр-адмирал, почесав мундштуком правую бакенбарду; он-то хорошо знал, как «ликвидируется тяжкое наследие». – Вижу, вы не расположены к пустопорожнему трепу... – сказал он. – Перейдем к делу?

– Так будет лучше всего, – отозвался Саад. – Если вас интересуют новости столичной жизни, господин контр-адмирал, то я привез свежие журналы. И охотно передам.

– Будьте любезны... – пробурчал Вуул. – Итак?

Васку Саад отставил в сторону чашку, откинулся в кресле, возложил ногу на ногу. Похоже, гость чувствовал себя на борту атомного подводного корабля совершенно непринужденно, но взгляд его вдруг стал колючим, как у морского крылана. Даже бывалый военный моряк Алу Вуул невольно поежился. Он помнил, что такой же взгляд был у следователя из прокуратуры Комитета Спасения Отечества, когда тот целился тлеющим окурком в единственный глаз контр-адмирала Вуула, обвиняемого в государственной измене.

– Все, что вы сейчас услышите, господин контр-адмирал, – веско начал агент Саад, – является государственной тайной. И не мне напоминать вам об ответственности за ее разглашение. Хочу, чтобы вы отнеслись к нашей миссии максимально серьезно!

– Поверьте, господин Саад, мне и в голову...

– Знаю я, о чем вы думаете, – перебил его Саад. – Дескать, меня, военного моряка, опять заставят ловить каких-то кальмаров, словно я чучуни-рыбак из бездарной поэмы Отула Сладкоголосого!

«Массаракш! – изумился Одноглазый Волк. – У него что, ментоскоп в башке?»

– Так вот, – продолжал штатский с глазами крыслана. – Нам придется иметь дело не с кальмарами, а с тщательно, я бы даже сказал, виртуозно замаскированными вражескими агентами!

«Сдается, он держит меня за идиота, – пригорюнился командир «Скорпены». – Ладно, сделаем вид, что верим этой ахинее».

– Вас понял, господин Саад! – отозвался Вуул по-уставному. – Я и вверенный мне корабль полностью в вашем распоряжении.

– Думаю, мы поладим, – ухмыльнулся Саад и вновь посерьезнел. – Не исключено, что нам придется проникнуть в территориальные воды Империи. Во всяком случае, мирография наших поисков может оказаться чрезвычайно широка. Следовательно, нужно быть ко всему готовыми, господин контр-адмирал.

Упоминание территориальных вод Островной Империи одновременно обрадовало и встревожило бывшего штрафника. Обрадовала возможность показать себя в настоящем деле. Уничтожение белой субмарины, если таковая подвернется, это не только полная реабилитация, но и возможность повышения по службе. Военно-Морского Флота у Свободного Отечества пока считай что нет, но все равно контр-адмирал, командующий одной-единственной боевой единицей, – это крысланам на смех. А встревожила столь же вероятная возможность быть потопленным этой самой белой субмариной. Островитяне тоже знают, с какого конца торпеду заряжать.

Алу Вуул поднялся.

– С вашего разрешения, господин Саад, я немедленно займусь подготовкой к походу.

Васку Саад кивнул.

– Валяйте, Вуул, – проговорил он. – Я пока посижу здесь, кофейку попью. Хороший кофе, не эрзац. Снабжение у вас лучше, чем в Столице. Завидую...

«Тигровая Скорпена» шла в надводном положении.

Полярный океан темно-синей чашей подпирал мерцающую небесную кровлю. Пологая зыбь вздымала атомную субмарину. Тупой нос «Скорпены» с размаху зарывался в воду цвета бутылочного стекла, взбивая под облака пенные брызги.

Мичман Маар обшаривал морской горизонт в бинокль, но ни льдов, которые этим, необычайно жарким для Приполярья, летом отодвинулись далеко к северу, ни вражеских перископов не обнаруживал.

Рядом с ним топтался Васку Саад. Он тоже почти не отрывался от окуляров мощного биноктара. Маар никогда таких не видел, новинка, наверное. Агента не интересовали ни льды, ни перископы. Он высматривал гигантских кальмаров, которых год назад вместе с помощником, мутантом по имени Птицелов, уже пытался отыскать здесь. Маар хорошо помнил обоих. С ними был еще старик-чучуни, которого они бросили на острове. Впрочем, правильно сделали, что бросили. Старик получил изрядную дозу и был совсем плох.

Кальмаров они тогда не нашли, но начальство вдруг сменило гнев на милость. Экипаж получил поголовную амнистию. «Гондолу» поставили на капитальный ремонт и через полгода вернули в строй уже вполне пригодной для полноценного боевого дежурства. Но вот

Саад появился снова, и снова – с той же целью. Маару было все равно, за кем охотиться: за кальмарами или за пиратами Островной Империи. Лишь бы окончательно смыть с себя позорное пятно врага Отечества и заслужить наконец-то отпуск.

Заныл зуммер аппарата связи. Маар сдернул с рычагов трубку.

– Рубка слушает!

– Акустик зафиксировал шум винтов, – сообщил вахтенный офицер из центрального поста. – Что на горизонте?

– Горизонт чист!

– Вас понял! – откликнулся центральный пост. – Командир отдал приказ о погружении на перископную глубину. Свистать всех вниз!

– Свистать всех вниз! – повторил мичман, возвращая трубку на рычаги.

– Есть! – отозвался рулевой.

Он зафиксировал штурвал и скатился по трапу во внутренние отсеки лодки. Маар похлопал по плечу агента. Саад как ни в чем не бывало пялился в свой биноктар.

– Господин Саад! Боевая тревога. Перископное погружение.

– Слышал, – буркнул тот.

Саад аккуратно упаковал свой чудо-бинокль в футляр. Кинул прощальный взор на безмятежный океан. И начал спускаться. Мичман тоже окинул взглядом морскую даль. «Тигровая Скорпена» уже не взбиралась на пологие волны, а медленно с дифферентом на нос погружалась в бутылочную зелень. Все глубже и глубже. С правого и левого борта закипали белые буруны – насосы заполняли балластные цистерны.

Враг по-прежнему оставался невидимым.

Маар плотно закрыл люк и спустился в центральный пост. Здесь ничто не напоминало о тревоге. Команда заняла посты по боевому расписанию. Говорили вполголоса. Ходили на цыпочках. Командир приказал снять ботинки, а на палубный настил набросать тряпок. В ход пошли даже матрацы, одеяла и матросские бушлаты. Двигатели были застопорены. «Скорпена» повисла на перископной глубине. Гидроакустики внимали океану, негромко сообщая о результатах.

Мичман тоже разулся и занял свой пост у системы пожаротушения. Как и остальные подводники, он невольно прислушивался к тишине, хотя уловить приближение вражеской субмарины невооруженным ухом пока не представлялось возможным. Шипела система вентиляции, щелкал хронометр синхронизатора торпедной стрельбы. Маару казалось, что он слышит, даже как шуршат панцюки в кладовке камбуза.

Подобно другим офицерам, мичман не сводил внимательного взора с контр-адмирала, который припал к резиновой окантовке окуляров перископа.

– Горизонт чист, – сообщил он, выпрямляясь. – Акустики?

– Дистанция тридцать кабельтовых и увеличивается! – доложил первый гидроакустик.

– Курс норд-норд-ост! – доложил второй.

– Либо они нас не заметили, либо у них другая цель, – пробормотал Алу Вуул. – Господа офицеры, какие будут предположения?

– Возможно, они возвращаются на базу, – откликнулся старший помощник. – Следовательно, боеприпасы у них кончились. Имперцы всегда стреляют до последнего.

– Догнать и торпедировать! – встрял Маар.

На его слова не обратили внимания.

– Пустые они бы шли быстрее, – пробурчал старший механик.

– Верно, – подтвердил старший гидроакустик. – Набита под завязку.

– И потом, если бы имперцы возвращались на базу, они бы повернули на зюйд-ост, – добавил штурман.

– Они идут к Полигону, господа.

Все обернулись на голос. Из люка, ведущего в нижние отсеки, торчала взъерошенная голова штатского.

– Почему вы так решили, господин Саад? – осведомился контр-адмирал с плохо скрываемой неприязнью.

Васку Саад ухмыльнулся, ловко выпрыгнул из люка. При этом умудрился не нарушить режима тишины.

– Другой достойной для имперцев цели в Землях Крайних нет, – пояснил он. – Полигон – объект государственной важности, и он не мог не заинтересовать островитян. Однако, господа, хочу напомнить вам, что ваш долг...

– Не надо напоминать нам о нашем долге, господин Саад, – отрезал Вуул. – Итак, господа офицеры, – продолжал он, – даже если наш гость и ошибается, белую субмарину необходимо догнать и уничтожить. Начинаем охоту!

– Служим Отечеству! – шепотом отозвались моряки.

На седьмые сутки погони «Тигровая Скорпена» мало напоминала образцово-показательную (и едва ли не единственную) боевую единицу возрождающегося Военно-Морского флота Свободного Отчества. Как будто вернулись недобрые времена штрафной «гондолы». В отсеках горели две лампы из четырех, под ногами хлюпала вода, которая просачивалась через сальники и клапана. Экипаж ходил небритый. Питались консервами. Пустые банки валялись где попало и с грохотом сновали туда-сюда при очередном маневре.

Режим тишины давно не соблюдался. Противник знал о погоне и при этом избегал боевого соприкосновения. Гидроакустики прекрасно слышали шум винтов белой субмарины, механики выжимали из реактора и движков все возможное, но на дистанцию эффективной стрельбы выйти не удавалось. Экипаж белой субмарины не желал ввязываться в бой.

Командир спал урывками. Малейшее изменение в ходовом режиме подводного корабля, и Вуул вскакивал с постели. Осунувшийся, небритый, с глазами, налитыми кровью, врывался на центральный пост, выслушивал последнюю сводку и падал в командирское кресло. Кок приносил контр-адмиралу кофе. Штурман показывал новые отметки на прозрачной карте из оргстекла, перегораживающей центральный пост.

Судя по ним, вражеская субмарина старалась держаться береговой линии, не удаляясь от нее и не приближаясь. Командир «Скорпены» нервничал. Северо-западная оконечность Земель Крайних – крутые обрывистые берега, густо изрезанные узкими заливами. Карта глубин для этого фарватера была составлена еще до войны. Одноглазый Волк ни на грош не доверял ей и, чтобы не пропороть подлодке брюхо, приказал ежечасно мерять дно эхолотом.

Погоня продолжалась. Мировой Свет тускнел и разгорался, но не гас даже ночью. Штормило. Призрачное сияние летнего неба сливалось с молочной белизной беснующегося океана. От усталости многим мнилось, что эта гонка за призраком никогда не кончится. В кубрике шептались, дескать, недаром говорят, что на белых субмаринах служат мертвые моряки, осужденные на вечное скитание в этих проклятых водах. Кулаки боцманов вразумляли шептунов, но даже образованным офицерам начинало казаться, что не шум винтов слышат отупевшие от бесконечных вахт гидроакустики, а пульсирующий рокот собственной взбудораженной крови.

...Внезапный шум вырвал агента из сна.

По палубному настилу грохотали матросские башмаки. По отсекам неслось: «Боевая тревога! Боевая тревога! Боевая тревога!»

Саад прыгнул с койки, включил свет. Пустил тоненькую струйку воды в маленькую фаянсовую раковину. Умылся, вычистил зубы. Надел поверх штатского костюма матросскую робу, дабы не выглядеть на борту боевой лодки совсем уж белой вороной. Прodelывая эти нехитрые процедуры, он прислушивался к звукам за пределами офицерского кубрика.

Заныли электрические тали, завизжали колеса тележек, на которых боевые расчеты вывозили торпеды. «Тигровая Скорпена» готовилась к бою. Надо полагать, неуловимая белая субмарина – тоже. Погоня закончилась. Морские хищники приступили к поединку.

– Ах, как некстати, – пробормотал Саад.

Тщательно продуманная операция пошла насмарку. По плану, одобренному самим Странником, «Тигровая Скорпена» должна была прочесать акваторию вдоль всего северо-западного побережья Земель Крайних. А если в этих водах электрические кальмары не обнаружатся – двигаться в южном направлении. В этом случае риск встретить подводные корабли Островной Империи сильно возрастал. И похоже, командир «Скорпены» был только рад воспользоваться обстоятельствами, чтобы доказать своему начальству, какой он бравый моряк. А кто ищет, тот всегда найдет. Как свинья – грязи. И ведь нашли! Целую неделю гонялись за неуловимыми островными пиратами, будто сумасшедшие, и наконец-то дождались светлого праздничка.

Теперь будут пулять друг в дружку – до полного взаимного истребления. Массаракш!

Подлодка грузно качнулась. Саад уже привычным движением сохранил равновесие.

Первая пошла...

М-агент не очень хорошо разбирался в тактике морского боя, и обмен торпедными ударами между субмаринами казался ему чистым пижонством. Впрочем, не большим пижонством, чем поиск гигантских электрических кальмаров посредством боевой лодки.

Ладно, в прошлом году выбора не было. Вернее, был. И тогда ничто не мешало обыскать береговую линию с орбиты или на худой конец облететь на транспортном боте. Но в тот момент контакт с мутантом по кличке Птицелов был важнее обнаружения полумифических существ. А – сейчас? Какие такие высшие ксенопсихологические соображения двигали главой Департамента Специальных Исследований, когда он настаивал на поиске по прошлогоднему варианту?

Массаракш его разберет...

Васку Саад вспомнил багровые уши Странника, когда тот выслушивал оправдания некого Мака Сима, героя революции и прочее, и усмехнулся.

Странник всегда знает, что и кому следует делать, иначе бы он не продержался при Отцах так долго и не обрел прочное положение в Комитете Спасения Отечества.

Натужно взвыли моторы. «Тигровая Скорпена» легла на правый борт. Саад кубарем покатился под койку, но извернулся, как удав, и ухватился за перильца, ограждающие офицерскую шконку.

«Маневр уклонения», – успел подумать он.

И в это мгновение кто-то гигантской кувалдой изо всех сил шарахнул лодке в левую скулу.

Прилив сносил «Тигровую Скорпену» с сильным дифферентом на корму. Влажная багровая полутьма царила в отсеках. Верещали счетчики радиации. Смертоносный пар завлакивал наклонный тоннель, в который превратилась подводная лодка. Испарялась забортная вода. Она хлынула в пробоину ниже ватерлинии и затопила рабочую зону реактора. Пищали панцирные крысы, в панике покидающие обреченную субмарину. Люди ее покинули еще раньше, но почти все они дезертировали за Мировой Свет, загромождая телами разгромленные отсеки.

Васку Саад, оскальзываясь на покатой палубе, сдвинул дверь в командирскую каюту. Контр-адмирал лежал в кресле, грязно-белое лицо его было запрокинуто, красная аварийная лампа отражалась в белке единственного глаза. Правая бакенбарда подмокла кровью. На подбородке алела свежая ссадина. Похоже, старик сначала приложился аристократической

физиономией о шкафчик, а потом уж свалился в кресло. Других повреждений не наблюдалось. И если старика не хватил удар, оставался шанс вытащить его на берег.

Саад наугад отыскал запястье Алу Вуула. Пульс почти не прощупывался, но он был. Агент подхватил грузное тело под мышки, рывком вынул из кресла. Гулкий удар сотряс «Скорпену». Лодка качнулась. Саад не удержал Одноглазого Волка, и тот завалился в промежутке между столом и койкой. Агент чудом остался на ногах. Он снова наклонился над контр-адмиралом, выволок его из-за стола. Вода прибывала, она уже переливалась через комингс, как будто нерадивый хозяин забыл перекрыть кран в ванной.

Саад попытался взвалить тяжелое тело Вуула на плечо, но сообразил, что так он контуженого моряка из плавучей могилы не вытащит. Крен на корму все увеличивался. Тогда Васку Саад снова ухватил контр-адмирала и выволок в коридор. Рябило темную в масляных пятнах воду, красные блики делали ее похожей на кровь. Агент раскорячился в тесном проходе, словно краб, и начал карабкаться в носовые отсеки с бесчувственным командиром лодки на буксире. Он хорошо понимал: это бесполезно, радионуклиды, что беспрепятственно расползаются по отсекам обреченного корабля, убьют контр-адмирала уже через несколько часов. Даже если его удастся доставить на сушу.

«Ну нет, – сказал себе Васку Саад, – это ты врешь... Если вытащить старика на берег и вкатить лошадиную дозу радиофага, к утру в организме контр-адмирала не останется и следов лучевого поражения...»

Саад уже миновал центральный пост, переступая через трупы вахтенных, убитых взрывом первой торпеды, через обломки щита управления, пригибаясь под искореженными трубами воздуховода, когда снаружи раздался дробный грохот и что-то звонко застучало по палубному настилу.

«Зенитка! – удивился агент Отдела «М». – Кто-то еще жив и продолжает драться... Это он напрасно, островитяне могут обидеться...»

Одной рукой вцепившись в воротник контр-адмиральского кителя, другой – перебирая перекладыны вертикального трапа, ведущего в надстройку, Саад втащил безвольное тело Вуула в ходовую рубку. Прислонил к зафиксированному штурвалу, выглянул наружу.

«Тигровая Скорпена» торчала над взбаламученной поверхностью моря под косым углом. До берега оставалось не более полукабельтова, но это были скалы, кариескими клыками торчащие прямо из беснующейся воды. Ледяной ветер срывал клочья грязно-серой пены с вершушек волн. Небо взрывалось зарядами снежной крупки.

Позади раздавалось: «дуду-дуду-ду-ду-ду», и полузатопленная лодка вздрагивала, словно терзаемая слепнями лошадь.

Саад посмотрел назад, на вздыбленный палубный настил, и увидел мичмана Маара, скорчившегося за броневым щитом зенитного пулемета. Заскорузлые от крови волосы торчали из-под неумело намотанного бинта. Бушлат был распорот и держался лишь на честном слове. Маар цеплялся за гашетку, и плечи его тряслись. Звонкий грохот перекрывал рев штормового моря и крики крысоловов, пикирующих над гребнями.

Агент уставился поверх волн и с трудом различил призрачный силуэт белой субмарины, которая шла встречным курсом. Вернее всего – атаквала огрызающегося противника. Непонятно, на что рассчитывал мичман. Скорее всего – ни на что он не рассчитывал. Он просто дрался с врагом, пока у него оставались патроны.

Массаракш! А этого как вытаскивать?

Васку Саад оглянулся на контр-адмирала. Голова старика елозила подбородком по груди в такт боковым ударам волн. Жив ли еще, Одноглазый? Некогда проверить.

Агент перемахнул через ограждение рубки, на четвереньках приземлился на решетку настила, выпрямился, бросился к Маару. Схватил его за плечи, оторвал от гашетки, повернул

к себе. Бледное до синевы лицо мичмана заливала кровь. Он слепо уставился на Саада. И вдруг принялся молча и страшно вырываться.

– Маар! Очнись! – заорал агент. – Надо уходить! Спасать командира! Ты меня слышишь, Маар?!

– Аппараты... – прохрипел мичман разбитыми губами. – Товсь... На циркуляции... веером... Огонь...

Саад ослабил хватку, и Маар вырвался. Вновь вцепился в рукояти гашетки. Зенитный пулемет загрохотал, пожирая патронную ленту и выплевывая гильзы. Агент, балансируя на вздрагивающей палубе, пробрался обратно к надстройке.

Все равно двоих спасти он не смог бы. И с одним-то непонятно, как выкарабкаться на обрывистый берег...

Саад уже взялся за ограждение рубки, когда в истерзанный корпус «Тигровой Скорпены» вонзилась еще одна белая сигара.

Глава четвертая

«Понять означает упростить». Такую максиму Птицелов встретил в трактате пандейского мыслителя позапрошлого века Ази Шаала, прославившегося теорией множественности обитаемых флокенов. Ученые Отдела «М» считали Шаала чуть ли не основоположником науки о грязевиках и часто цитировали его трактаты в своих секретных докладах. Когда пришло время, ознакомился с шедеврами и Птицелов. Учение оставило его равнодушным. Птицелов предпочитал конкретику в текстах, а Шаал часто растекался мыслью да и отстаивал космогонию, признанную устаревшей не только в Отделе, но и в Академии наук, которая покуда сама не избавилась от ложной теории Ф-мира. Однако кое-какие интересные умозаключения в трактатах попадались, и Птицелов делал для себя выписки.

«Понять означает упростить». Птицелов был согласен с этой максимой. Мир многообразнее и сложнее любых теорий, но, к сожалению, наш разум слишком убог для того, чтобы вместить его целиком, и «упрощенчества» не избежать. И все бы ничего, с таким положением вещей вполне можно мириться, но только не в ситуации, когда от *понимания* зависят жизни людей.

Возьмем, к примеру, грязевиков. Они явились в Мир тайно. Они внедряются в спецслужбы, в армию и пытаются влиять на политику. Они поддерживают одни партии и вредят другим. Чем они руководствуются в своем выборе? На какие уловки готовы еще пойти? Что в их действиях тактика, а что стратегия? Где проходит черта, через которую грязевики не переступят ни при каких обстоятельствах? Существует ли в принципе такая черта? Вопросы, вопросы... И на них нужно получить четкий и однозначный ответ. Теории, гипотезы, допущения и модели здесь не проходят, ибо ошибки обойдутся очень дорого.

Напрашивающееся решение – похитить Мака Сима, нашего «официального» грязевика. И выбить из него правду. Что бы он ни рассказал, все пойдет в дело. Даже его молчание пойдет в дело. Но Птицелов прекрасно понимал, что такой план нереален. Захватить Мака Сима без массивной поддержки на всех уровнях не получится, будь ты хоть трижды ветеран или трижды начальник сектора «Оперативного реагирования» Отдела «М». Для начала хотя бы надо знать его маршруты, но даже этого при всех расширившихся возможностях Птицелов установить не смог – информация, тридцать три раза массаракиш, была закрыта даже для Отдела. Возможно, ею располагал Оллу Фешт, но и он не спешил делиться сведениями с бывшим подчиненным. Да и вряд ли он одобрит такой план – слишком рискованно: провал выльется в массовые отставки, если не в массовые расстрелы.

Посему, готовясь к командировке на юг, Птицелов был вынужден пользоваться только теоретическими разработками, имеющими весьма относительную ценность. Он не был уверен, правильно ли отобрал секретные отчеты, не пропустил ли чего-нибудь важного – архивный каталог Отдела «М» был необъятен! Одни названия чего стоили: «Иномирные биотехнологические комплексы: симбиотическое взаимодействие, динамическое саморазвитие, экологическое вытеснение». «Транспортные системы М-вселенной: частные предположения». «Психологическая адаптация иномирян в условиях дефицита информации». «Революционная деятельность Мака Сима в Отечестве и причины войны с Хонти. Исторический очерк». И так далее, и тому подобное. Подопечные профессора Поррумоварруи расстарались. И как определить, что здесь заслуживает внимания, а что не стоит даже бумаги, на которой напечатано?

Пришлось обратиться к самому профессору – по-дружески, за советом. Тот выслушал, фыркнул, с презрительной гримасой отодвинул список заказанных Птицеловом секретных материалов, покопался в ящике стола и вытащил оттуда тоненькую пачку из десятка машинописных страниц, скрепленных скобкой. Птицелову бросилось в глаза, что на титуле нет

привычного грифа, ограничивающего доступ к материалу, – все это было похоже на самостоятельность. Самодетельностью и оказалось.

– Почитай, – сказал Поррумоварруи. – Может пригодиться.

– Что это? – спросил Птицелов.

– Сказочка на ночь, – непонятно ответил профессор.

– Автор?

– Я. Раз в жизни допускается сойти с ума. Знаешь, кто сказал?

– Ази Шаал?

– Он. Классик родимый. Будем считать, что однажды я сошел с ума. А это плоды помрачения рассудка. Не для цитирования.

– Ясно, – сказал Птицелов, забирая страницы. – Спасибо.

Он хотел уже раскланяться и удалиться восвояси, но профессор остановил его жестом и добавил, пожевав губами, к сказанному:

– Не жалей их, мой мальчик. Даже если почувствуешь себя обязанным. А они могут сделать тебя обязанным. Никогда не жалей. Они не достойны жалости.

Птицелов понял, что старый профессор говорит о грязевиках. Они и впрямь не заслуживали жалости – особенно если вспомнить, как Малва-Марта и Саад-Эспада поступили с ним, Птицеловом. Но, похоже, Поррумоварруи намекал на что-то другое. Это чувствовалось по изменившейся интонации.

Птицелов вернулся в свой кабинет и немедленно углубился в чтение. А потом сразу перечитал текст еще раз.

МЕМОРАНДУМ

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРИШЕЛЬЦЕВ ИЗ МИРА «ЗЕМС-ЛЬЯ» ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Эпиграф:

«Душа суть отражение Мира».

Ази Шаал

В настоящее время Департамент Специальных Исследований (ДСИ) не располагает достаточным объемом достоверной информации о пришельцах из мира Земс-Лья (варианты перевода: Грязь, Почва, Грунт). В силу этого любые рассуждения об общественном устройстве, экономическом укладе и политической истории цивилизации Земс-Лья остаются спекулятивными. Однако для детального анализа, селекции и структуризации разрозненных данных полевых наблюдений, собираемых секторами ДСИ, возникает нужда в оформлении рабочей и гибкой модели, описывающей цивилизацию Земс-Лья в первом приближении. Сама же модель из-за дефицита информации может быть построена только методом аналогии, который имеет известные недостатки и чаще применяется в рамках философских теорий, не имеющих практической ценности. Сознвая ущербность предложенного метода, мы тем не менее возьмем на себя смелость предложить гипотетическую модель новейшей истории цивилизации Земс-Лья, которая отвечала бы заданным условиям. С целью упрощения логической структуры представляется рациональным разбить нашу реконструкцию на тематические подразделы с разным фактологическим весом в порядке убывания.

1. Языки цивилизации Земс-Лья

На текущий день в распоряжении Лингвистического сектора Отдела «М» ДСИ находится свыше трех тысяч подлинных письменных документов, ранее принадлежавших пришельцам из Земс-Лья. Кроме того, имеется обширный архив фонограмм и фонографических

записей, позволяющий с высокой степенью надежности вычленять лексические единицы, присваивая им грамматическое и семантическое значения. Многолетняя работа с документами позволила установить, что пришельцы из Земс-Лья используют в разговорной и письменной речи как минимум три обособленных языка: рус-ской, дойтш, инг-лиш. Весьма примечательным является факт, что зачастую слова и выражения на этих языках, сходные фонетически, различаются семантически. Не менее значимо для дальнейших обобщений и другое – ключевые космологические понятия, являющиеся базовыми в любой речи, при одинаковом лексическом значении имеют в языках цивилизации Земс-Лья совершенно разные фонетические выражения. В качестве примера здесь можно привести название мира пришельцев. На языке рус-ской он называется «Земс-Лья», на языке дойтш – «Эрде», на языке инг-лиш – «Ас».

Теперь взглянем на Мир. Мы знаем, что материковые языки и наречия Мира происходят от единого протоязыка, сложившегося еще в Древнюю эпоху. Лишь языковые группы Восточных горных хребтов и Островной Империи заметно отличаются от протоязыка и его производных, что объясняется тысячелетней изоляцией горских племен и аборигенов Архипелага.

На основании этнолингвистических исследований и с использованием метода аналогии мы можем предположить, что в мире Земс-Лья существовали как минимум три изолированные территории (три материка или три архипелага), породившие три независимые языковые группы. Возможно, этносы Земс-Лья развивались в сходном темпе и к началу Эпохи Великих Карт вступили в непосредственный контакт друг с другом, находясь на одинаковом уровне социально-экономического и научно-технического развития. Однако значительные культурные, религиозные и лингвистические различия, обусловленные прежней изоляцией, не позволили им установить долговременные политические союзы. Очевидно, в какой-то момент один из этносов перешел в стадию экспансии и созидания колониальной империи, что вызвало яростное сопротивление соседей. Большая протяженность транспортных линий не позволила быстро добиться доминирования. Войны затянулись, началась эскалация насилия и гонка вооружений. В конечном итоге один из этносов одержал победу над цивилизационными конкурентами (по-видимому, это были носители языка рус-ской) и ассимилировал их. В настоящий момент культура рус-ской преобладает в мире Земс-Лья, чему свидетельством содержащиеся в архиве Лингвистического сектора письменные документы. Однако сравнительно-частотный анализ фонограмм указывает на то, что речь подчиненных народов также значительно распространена среди пришельцев. Этому можно найти только одно логическое объяснение – война была столь опустошительной, что поставила все три этноса на грань выживания и принудила их к сотрудничеству ради сохранения достижений цивилизации.

2. Биологические особенности представителей цивилизации Земс-Лья

Сектор Близких Контактных Отдела «М» ДСИ располагает достоверной и доскональной информацией об анатомии и физиологии только одного пришельца из Земс-Лья, известного под именем Мак Сим. Тем не менее наблюдения за соотечественниками Мака Сима и агентурные сведения о контактах с ними подтверждают первоначальный вывод, что все без исключения пришельцы из Земс-Лья при поразительном сходстве с жителями Мира обладают феноменальными (если не сказать сверхъестественными) способностями. Невероятная выносливость, значительная физическая сила, парадоксальные реакции на раздражители, нулевая реакция на ментотронное излучение любой интенсивности, расширенный спектр зрительного восприятия, повышенная чувствительность к звукам и запахам, устойчивость к значительным дозам радиации и калечащим травмам. Напрашивается гипотеза, что в Мире действуют агенты цивилизации Земс-Лья, прошедшие специальную подготовку с целью

выживания в экстремальных ситуациях. Однако ментограммы и известная биография Мака Сима указывают на другую возможность: по-видимому, он является случайным гостем Мира и не участвует в разведывательных или диверсионных операциях. В то время как его соотечественники внедряются в силовые структуры, вербуют местных жителей и тайно собирают информацию о государствах Материка и Архипелага, Мак Сим действует открыто, сотрудничает с научными работниками ДСИ, публично поддерживает политику демократических реформ, выступает послом дружбы на переговорах с Хонти и Пандеей. Можно констатировать, что Мак Сим полностью адаптировался и стал полноценным гражданином Отечества, порвав со своим прошлым. Мы делаем промежуточный вывод: специальную подготовку, расширяющую возможности организма, проходят все представители цивилизации Земс-Лья без исключения.

Но и такой вывод выглядит слишком волюнтаристским. Объяснение «сверхспособностей» пришельцев из Земс-Лья имеет смысл искать в эволюционной теории. Сегодня мы знаем, что новые качества животные виды приобретают за счет мутационного процесса, генерирующего новые варианты генов. Мутационные процессы заметно ускоряются при катастрофическом изменении среды обитания. Так, одним из последствий Большой войны в Мире стало возникновение ярко выраженных мутаций на территориях с повышенным радиоактивным загрязнением. Исследования показывают, что большинство мутаций имеют отрицательный характер, то есть способствуют развитию врожденных патологий и хронических заболеваний, что в свою очередь ведет к повышению детской смертности и снижению продолжительности жизни взрослых особей. В то же время у ряда мутантов наблюдается проявление качеств, которые, будучи закреплены в последующих поколениях, могут стать основой для возникновения новых видов, адаптированных к более жестким условиям окружающей среды. Здесь наилучшей иллюстрацией является взрывная мутация бойцовых собак (специальная порода «псы-воины»), которая привела к формированию положительных качеств, вплоть до рождения киноидов с зачатками разума.

Если мы исходим из предположения, что цивилизация Земс-Лья пережила глобальную и продолжительную войну с использованием атомного и термоядерного оружия, то нужно сделать и следующий шаг в наших рассуждениях: мутагенные факторы в том мире значительно возросли. Изменение химического состава и прозрачности атмосферы, скачкообразное увеличение радиационного фона, отравление плодородного слоя и источников пресной воды – все это в совокупности привело к массовому вымиранию значительной части биосферы. Выжить в такой ситуации могли только мутанты с положительными качествами. По-видимому, обитатели мира Земс-Лья занялись целенаправленной селекцией, осознанно закрепляя положительные мутации в последующих поколениях.

3. Биотехнологии цивилизации Земс-Лья

Первые технологические артефакты цивилизации Земс-Лья, попавшие в распоряжение Инженерно-исследовательского сектора Отдела «М» ДСИ, были однозначно классифицированы как «псевдоживые». Под этим термином мы понимаем устройства и механизмы, имеющие в своем составе элементы, которые при функционировании демонстрируют свойства живых организмов (адаптация, регенерация, рефлекторные действия и тому подобные), но организмами не являются. Современные исследования пошатнули сложившуюся среди экспертов Отдела «М» точку зрения на природу технологий мира Земс-Лья. Полевые и лабораторные эксперименты с артефактами убедительно показали: отдельные элементы сложных технологических систем, производимых цивилизацией Земс-Лья, могут полноценно и сколь угодно долго функционировать в автономном режиме вне «материнского» устройства. Таким образом, мы имеем дело с биотехнологическими симбиотическими комплексами с широким спектром возможного применения.

В подобной технологии нет ничего «чудесного»: история Мира знает множество примеров того, как естественные процессы биоценоза использовались человеком в свою пользу (бродильная и ферментная промышленность, производство антибиотиков, бактериологическое оружие). Нет оснований полагать, что обитатели Земс-Лья пренебрегают природным потенциалом. Больше того, нет оснований полагать, что они не продвинулись в совершенствовании биотехнологий дальше человечества Мира.

В рамках предложенной модели мы не исключаем и экзотический вариант. В ходе гонки вооружений и последующей глобальной войны этносы Земс-Лья должны были значительно исчерпать невосполнимые ресурсы своего мира. Поиск решения многочисленных и острейших проблем послевоенного периода привел уцелевших обитателей Земс-Лья к принципиально новому пути развития – к биотехнологической цивилизации. На обломках разрушенного мира должно было возникнуть множество локальных экосистем, быстро мутирующих под воздействием катастрофических факторов. В мире Земс-Лья появился ресурс, которого не было ранее, но который стал спасительным. Вынужденно занявшись селекцией внутри собственного вида и накопив в этой сфере некоторый опыт, ученые Земс-Лья начали экспериментировать с мутантами-животными, что и позволило сконструировать сложные симбиотические комплексы, подчиняющиеся разумным командам. Не исключено, что и сами пришельцы являются лишь элементами таких комплексов, интегрированными в них на уровне непосредственного взаимодействия по схеме «мозг – исполнительные органы».

4. Стратегия цивилизации Земс-Лья

Предложенная гипотетическая реконструкция позволяет нам лучше представить себе поведенческие мотивы и целеполагание пришельцев из Земс-Лья. Следует учитывать, что обитатели М-мира совершенно иначе воспринимают окружающее пространство. Если теория множественности обитаемых флокенов, разработанная Ази Шаалом, нуждается в интеллектуальном усилии при формулировании исходных посылок, то для жителей Земс-Лья, которые имеют возможность наблюдать в своем небе неисчислимое количество «ослепительных дисков», существование миров, подобных их собственному, выглядит аксиомой. Истощение ресурсов и неблагоприятные условия среды обитания, сложившиеся в Земс-Лья после глобальной войны, должны были подтолкнуть цивилизацию мутантов к движению вовне, к созданию транспортных средств, способных преодолевать пространство между мирами.

Для такого движения имелись предпосылки. Скорее всего, еще перед войной значительное развитие получили аэронавтика и ракетостроение (примерно такое же, какое они получили в Империи). Сочетание этих технологий в сплаве с управляющими биокомплексами позволило построить иномироходные конструкции, которые по праву можно назвать «М-кораблями». Мы можем только догадываться о возможностях этих кораблей, о скоростях, которые они развивают, и расстояниях, которые они преодолевают, но факт налицо: жители Земс-Лья активно посещают иные миры, не испытывая значительных трудностей при транспортировке грузов и пассажиров.

Таким образом, мы вправе предположить, что главной стратегической линией цивилизации Земс-Лья на сегодняшний момент является неограниченная экспансия, вышедшая за естественные пределы родного мира. Размах экспансии можно оценить по ментограммам Мака Сима, в которых он выступает в качестве командира М-корабля, посетившего самые экзотические места, испытавшего схватки с иномирными формами жизни и вступавшего в близкие контакты с иномирянами.

Обращает на себя внимание одна деталь, характерная для всех ментограмм Мака Сима, – его агрессивность и необоснованная жестокость по отношению к иномирянам. Складывается впечатление, что суровое прошлое, глобальная война и столетия борьбы за выжи-

вание оставили неизгладимый отпечаток в психике обитателей Земс-Лья, определяя их реакции в экстраординарных ситуациях.

Такая манера поведения, наложенная на неукротимое стремление к расширению колониального пространства и захвату ресурсов других миров, неизбежно ведет к тому, что цивилизация Земс-Лья вступит в новую войну – на этот раз с иномирянами, которые успели построить свои М-корабли. Возможно, война уже идет. В таком случае Мир находится на линии фронта, и действия пришельцев имеют прагматическую мотивацию: здесь им нужен верный вассал, готовый при необходимости защищать интересы Земс-Лья. С этой целью и проводится разведка, внедряется агентура, вербуются местное население.

Скорее всего, в ближайшее время пришельцы из Земс-Лья заявят о себе открыто, выступив в текущих конфликтах на стороне одного из ныне существующих государств или этносов Мира. Самый актуальный и болезненный вопрос: какому из государств будет отдано предпочтение? И какая участь ожидает остальных?

5. Выводы

На основе представленной модели мы можем заключить:

- цивилизация Земс-Лья пережила глобальную войну на уничтожение;
- цивилизация Земс-Лья сумела адаптироваться к послевоенным условиям, мутировав как биологический вид;
- цивилизация Земс-Лья за счет разумного управления мутациями обрела биотехнологии, позволившие расширить сферу влияния на другие миры;
- цивилизация Земс-Лья в процессе колонизации и эксплуатации других миров столкнулась с сопротивлением иномирян;
- цивилизация Земс-Лья ищет союзников-вассалов для продолжения экспансии и военной победы над иномирянами;
- цивилизация Земс-Лья готовится к колонизации Мира с целью обретения нового союзника-вассала.

6. Перспективы

Мы должны признать, что имеем дело с безжалостными существами-мутантами, которые рассматривают Мир в качестве сферы влияния в противостоянии с другими иномирными расами. В своей экспансии они опираются на собственный исторический опыт, который подразумевает унификацию национальных культур до единого стандарта. В краткосрочной перспективе пришельцы из Земс-Лья разделят человечество на две неравные части по неизвестному нам критерию, выделив один из этносов или одно из государств как своего «союзника». При этом выделенное ими меньшинство получит доступ к знаниям и технологиям Земс-Лья, обрета глобальное превосходство над остальными. Если рассматривать долгосрочную перспективу, то представляется неизбежным увеличение качественного отставания большинства от меньшинства с постепенным вытеснением большинства на периферию, в бедные ресурсами районы, что повлечет за собой его деградацию и вымирание.

7. Рекомендации

Чтобы избежать печальной участи, которую уготовила Миру цивилизация Земс-Лья, необходимо выработать контрстратегию и тактику выявления признаков деятельности пришельцев. Следует обратить особое внимание на случаи массовых истерий и неадекватного поведения значительных масс людей, на появление «народных» организаций, пропагандирующих концепцию М-мира, на необъяснимые исчезновения политических активистов, выдающихся офицеров и заслуженных ученых, на внезапное появление людей и мутантов с необычными талантами и «сверхъестественными» способностями. Такая тактика позволит

определить конкретные планы пришельцев применительно к человечеству и блокирует их реализацию. Необходимо продемонстрировать пришельцам из Земс-Лья, что мы не вассалы, а полноценная цивилизация, готовая к открытому диалогу на взаимовыгодных условиях.

Подпись:

Профессор Поррумоварруи,

действительный член Академии наук

Свободного Отечества, директор Отдела «М»

Департамента Специальных Исследований

Птицелов отложил «меморандум» Поррумоварруи и несколько минут сидел за столом, ничего не видя вокруг. Воображение разыгралось. По спине пробежали мурашки. И даже волосы, казалось, зашевелились на загривке. Мир грязевиков Земс-Лья был истинным кошмаром. Птицелов легко мог представить его себе, ведь и сам провел много лет за Голубой Змеей и не понаслышке знал, что это такое – борьба за выживание среди радиоактивных руин. А тут целый мир, разрушенный до основания! Мир без чистого воздуха и без чистой воды. Мир, в котором нет убежищ от смертельной заразы. Мир, в котором умирают дети и быстро старятся родители.

Так вот о чем предупреждал профессор. «Не жалея их». Грязевиков и впрямь стоило пожалеть. Они вовсе не боги, а такие же убогие мутанты, как карлик Прыщ или свинорылая Пакуша. Но так ли это? Птицелов начал перебирать в памяти образы, которые хотел бы забыть, но которые продолжали преследовать его. Потом встряхнул головой. Нет! Аналогия профессора хороша, но в ней спряталась какая-то ошибка. Мутанты, которых знал Птицелов, в большинстве своем были слабыми существами, помешанными на своем здоровье – точнее, на своих бесчисленных болячках. Время от времени из них выплескивалась агрессия и они могли в темном порыве покалечить друг друга, но почти никогда не проявляли расчетливой жестокости, как это водилось за грязевиками. Наверное, все дело в мировоззрении. Не случайно ведь Поррумоварруи начал свой «меморандум» с дежурного афоризма пандейского мыслителя Ази Шаала? «Душа суть отражение Мира». Да, грязевикам пришлось многое пережить, и это оставило отпечаток в их душах. Они все-таки преодолели немощь и болезни, сумели выйти за границы своего отравленного мира – но заплатили за это страшную цену, потеряв чутье на плохое и хорошее.

Их стоило бы пожалеть, но не нужно. Они сильнее и вероломнее. А главное – они совсем не похожи на мутантов из-за Голубой Змеи. А на кого похожи?.. Птицелова вдруг осенило. И он даже нервно зашуршал страницами «меморандума», пытаясь найти подтверждение своим словам в модели профессора. Нашел. «Наилучшей иллюстрацией является взрывная мутация бойцовых собак (специальная порода “псы-воины”), которая привела к формированию положительных качеств, вплоть до рождения киноидов с зачатками разума». Упыри! Будучи академическим ученым Поррумоварруи не рискнул продвинуться в своем «сумасшествии» еще на полшага. И зря! Упыри обладают не «зачатками разума», а разумом в полном смысле слова – но таким разумом, который не отягощен эмоциями, альтруизмом, сочувствием к побежденным. Кто сказал, что разум без чувств невозможен? Возможен, ведь упыри существуют. И грязевикам оказалось куда проще установить с ними контакт, чем с учеными Отдела «М». Потому что они сами захотели контакта. Потому что они считают упырей равными.

Птицелов видел это своими глазами – видел, как Комов разговаривал с упырем Псоем. «Я пришел к тебе со своим кланом. Здесь есть Вожак, Охотник, Травник, Самка, Щенок и Пленник. Клан мал, и ты не покроешь себя славой, если погубишь его».

Лицо занемело от ненависти. Профессор ошибся, сделав вывод, будто бы грязевики будут искать «союзника-вассала» среди людей. Они его уже нашли. Упыри станут преданными слугами пришельцев, ведь они, как любые псы, уважают силу вожака и всегда готовы склониться перед ней. А мы для грязевиков – лишь расходный материал. Ценный расходный материал, но не более того. Даже благообразный Мак Сим, якобы порвавший со своим прошлым, некогда явился к мутантам лишь за тем, чтобы позвать на войну с армией Отцов. К упырям он отнесся куда сочувственнее.

И еще одно. Поррумоварруи не учел, что в Мире действуют не только грязевики. Да, здесь проходит линия фронта – очень точное описание. Но это же означает, что здесь можно встретить врагов Земс-Лья. Кто они? Какие цели преследуют? Можно ли с ними договориться?

Птицелов подумал о тех загадочных иномирянах, которые похитили Лию и посылают Темных Лесорубов. Его передернуло, но гнать мысли о них – значит сразу признать поражение. В конце концов он теперь не рядовой М-агент, а начальник сектора, и ему предстоит заключать самые невероятные союзы, жертвуя личным ради пользы дела. Колдун, Темные Лесорубы – грязевики проявляли к ним явный интерес. И даже боялись их, хотя, казалось бы, чего им бояться?..

Еще кризис-зоны. Враги Земс-Лья имеют какое-то отношение к кризис-зонам. В ходу гипотеза, что они создали их. И если правда, что эти аномальные территории появились задолго до Большой войны, то сам собой напрашивается вывод: иномиряне пришли раньше грязевиков и способствовали прогрессу человечества. Выходит, они друзья? Жестокие, но друзья? «Враг моего врага – мой друг». Кто это сказал? Нет, точно не Ази Шаал, а кто-то из Неизвестных Отцов...

В любом случае к списку рекомендаций Поррумоварруи нужно добавить еще один пункт: особое внимание кризис-зонам. Скорее всего, именно там содержатся ответы на все вопросы, в том числе и на тот, который тревожит профессора.

Птицелов решил взять странички «меморандума» с собой в дельту Голубой Змеи и на досуге еще раз перечитать их. Он был благодарен Поррумоварруи за эту небольшую помощь. Теперь было с чего начинать.

Глава пятая

Единственный глаз контр-адмирала Вуула вышел из орбиты, губы посинели, но жизнь в нем еще теплилась. Саад на скорую руку удостоверился в этом и снова сиганул в ледяное варево прибоя. Мичмана он нашел у самого дна. Голова Маара безвольно качалась из стороны в сторону. Светлые волосы ореолом окаймляли обескровленное лицо. Правая нога моряка застряла между камнями – скользкими от водорослей, но цепкими, словно зубы акулы. Сааду пришлось повозиться, чтобы освободить ее. Потеряв несколько драгоценных минут, он все-таки вытащил утопленника на узкую полосу пляжа.

Машинально проверил пульс.

Так... Все ясно...

Саад вынул из внутреннего кармана плоскую коробочку универсального инъектора. Этот хитрый приборчик – все, что осталось от спецоборудования, которое М-агент захватил с собою, когда покидал бот. Остальное покоилось на дне залива вместе с обломками героической «Тигровой Скорпены». Вернее, было кое-что еще, но Саад «забыл» об этом «кое-что».

Он установил на мерцающей шкале необходимую дозировку и попеременно приложил инъектор сначала к руке Маара, потом – Вуула. Саад решил не возиться с инъекциями радиофага и некрофага, они требовали более точной дозировки, на вычисление которой не оставалось времени, а вкатил морякам сыворотку «бактерии жизни». Хитромудрый пандорианский микроб за несколько часов поднимет в изношенных нездоровым образом жизни и плохой экологией организмах саракшианцев микробиологическую революцию. И если не случится ничего экстраординарного, через сутки под началом агента Саада будут два здоровых и опытных в военном деле человека.

Осталось решить одну пустяковую проблему. Обеспечить парочку пока еще полутрупов надежным убежищем и пищей. И проблему эту нужно решить как можно скорее, иначе лечение пойдет насмарку. Без поддержки извне «бактерия жизни» может начать спасать одни органы за счет других. Такие случаи бывали. И не всегда удавалось вернуть к полноценной жизни калек с прекрасно работающей сердечной мышцей, но с напрочь отсутствующей печенью. Впрочем, до этого еще далеко...

Васку Саад стянул с себя мокрую одежду, тщательно выжал ее и разложил на валунах, подальше от морских брызг. Потом придирчиво осмотрел себя. Отделался он легко. Царапины уже затянулись, а синяки жить не мешали. С моря тянуло знобким ветерком, но Мировой Свет пригревал все сильнее. Саад почувствовал прилив сил. Он осмотрел наличный запас оружия. Контр-адмиральский «герцог», мичмановский кортик и автомат. Перед тем как покинуть тонущую лодку, Саад успел повесить его себе на шею, хотя автомат дьявольски мешал. Ведь приходилось бороться с волнами, имея на руках бесчувственное тело Одноглазого Волка.

Ладно, из чего стрелять есть. С патронами хуже. Ни единой запасной обоймы.

Агент Саад разобрал небогатый огнестрельный арсенал на запчасти и разложил поверх собственной сорочки, которая успела просохнуть. И только после этого он взглянул на море. И тут же присел.

Массаракш!

Волнение в акватории залива улеглось. Мировой Свет безмятежно сиял с серо-голубого небосвода. В вышине реяли крысланы вперемешку с морскими птицами. А на самом краю океанской чаши балансировала белая субмарина. Рядом с вражеской лодкой – Саад отчетливо это видел и без утонувшего бинокля – покачивался вельбот. Похоже, островитяне не удовлетворились лишь затоплением «Тигровой Скорпены», а намеревались проче-

сать берег в поисках тех счастливиц из ее экипажа, которые сумели достичь спасительной суши.

– Голый пятнистый дурак... – пробормотал Саад в свой адрес, спешно натягивая волглую одежду и собирая оружие. – Распрыгался, как вошь на бритом лобке...

Он кинулся к морякам. Живы? Живы... Оба! Даже у Маара, оглушенного взрывом торпеды и наглотавшегося соленой водички, на лбу выступила характерная испарина, означавшая, что пандорианский микроб активно размножается и вытесняет конкурентов. Алу Вуул выглядел еще лучше. Саад порадовался, что подводники без сознания и придут они в себя нескоро. Толку от них сейчас ни малейшего, а вот вздумай они стонать и шевелиться...

Он наскоро замаскировал обоих кусками плавника и желтыми космами сухих водорослей, стараясь не подниматься во весь рост. Потом подполз к ближайшему валуну и осторожно выглянул.

Вельбот уже отчалил от белой субмарины. Подскакивая на водяных ухабах, он направлялся в бухту, но, к счастью, не прямо туда, где затаился агент Отдела «М». Да, островитян можно понять. Какой смысл высаживаться на узкой полосе гальки, если сразу за ней громоздятся похожие на испорченные зубы скалы? Это Васку Сааду было не до раздумий, куда тащить своих полупокоренников. А у вражеского десанта выбор, где ступить на берег, имелся. Разумеется, на этот милый пляжик островитяне тоже заглянут, но после, – когда не обнаружат противника в других уголках неприветливого побережья. А может, и заглядывать не станут – бросят пару гранат и уберутся восвояси.

Агента Саада устраивала любая отсрочка. Он отчетливо слышал тарыхтение движка и видел сизый дымок выхлопа. Вельбот удалялся в северо-восточную, наиболее удобную для высадки, часть бухты. Саад извивался, как змей, проползая между камнями. Он пытался подсчитать, сколько человек выделил командир белой субмарины, чтобы добить контуженых и обессиленных моряков с утопленной «Скорпены».

Островитяне напялили белые каски, которые вызывающе торчали над высокими бортами вельбота.

– Один, два, три... – бормотал Васку Саад себе под нос. – Пятнадцать имперских морпехов... Это вам не голые пятнистые обезьяны в джунглях, господа...

Но, по-видимому, островных имперцев не интересовала судьба уцелевших моряков с «Тигровой Скорпены». Оставив у вельбота пару часовых, они сразу двинули вглубь побережья.

Васку Саад проводил взглядом их высокие, несколько сутуловатые фигуры в белых с бледно-желтыми неправильной формы пятнами комбинезонах. Островитяне шли редкой цепью, держа короткоствольные десантные автоматы на изготовку, и гравий похрустывал под тяжелыми башмаками. У некоторых из морпехов за плечами были объемистые пустые рюкзаки.

Сразу за скалами начиналась холмистая тундра, сверкающая синевато-серыми проплешинами снега. День был в самом разгаре. Над тундрой поднималась белесая дымка, и вскоре морпехи растворились в ней, будто и впрямь были призраками с призрачной субмарины.

Что могло понадобиться островитянам в тундре? Васку Саад хорошо помнил спутниковую карту этого района. Кроме жалких поселков чучуни здесь ничего не было. До Полигона пешком не дойдешь. Да и нелепо посылать тринадцать человек с одними автоматами на тщательно охраняемую территорию. Даже если это специально подготовленные диверсанты. Толку-то от их пукалок, когда Полигон окружают минные поля, усеянные гниющими трупами неосторожных животных, контрольно-следовая полоса и несколько рядов колючей проволоки? Не говоря уже о патрулях, которые регулярно обходят охраняемую зону по внутреннему периметру.

Не-ет, не Полигон сейчас интересует имперцев, а что-то поближе. Надо бы взглянуть.

Агент Саад вернулся к своим подопечным. Подсчитал пульс, послушал дыхание. Веки Вуула и Маара подрагивали, значит, обморок перешел в сон. «Бактерия жизни» делала свое дело. Морячки незаметно для себя выздоравливали, но сон их мог продлиться еще пару часов, а Сааду не хотелось терять время. Он собрал побольше плавника и водорослей, тщательно укрыв спящих.

Ладно, за час-другой ничего с ними не случится. Даже наглые крысланы не тронут живых людей. А вот когда эти люди очнутся...

Саад подложил под руку контр-адмирала автомат – пальцы Одноглазого Волка рефлексивно сжались на теплом железе. «Герцог» агент сунул себе за пазуху, а мичмановский кортик – за пояс.

– Не скучайте, братишки, – буркнул Саад и пополз в противоположную от вражеского вельбота сторону.

Он мог бы в два счета уложить часовых, но за ними наверняка наблюдают с субмарины. Да и рации у морпехов небось имеются. Не выйдут на связь, поднимется тревога. С лодки пришлют еще морпехов. Нет уж, мы лучше тихонько, по-пластунски...

Васку Саад обогнул скалистую гряду, убедился, что ни с моря, ни с вельбота его не видно, и побежал в тундру. За холмами он быстро нашел следы десанта.

Имперцы шли не скрываясь, сдирая рифлеными подошвами нежную поросль ягеля там, где она выглядывала из-под снега. Несколько раз Саад находил даже брошенные окурки.

Нет, это были не диверсанты...

Саад настиг островитян на окраине поселка. И сразу же понял, зачем им понадобилась эта высадка.

Поселок горел. Жирный вонючий дым поднимался над десятком кривоватых хижин, вернее – землянок, выстроенных из плавника и китовых ребер, которые были накрыты невыделанными шкурами. Рядом с неказистыми строениями валялись трупы чучуни. По всему было видно, что имперцы за время рейда истосковались по обычным своим развлечениям. На мужчин, стариков и детей патроны brave подводники не тратили. В ход шли кортики. Некоторые из жертв спасались бегством, и внутренности их были раскиданы на несколько метров вокруг.

Попытки сопротивления тоже были. Саад видел, как из горящей хижины выскочил парень. Кухлянка на нем дымилась, но он спокойно поднял охотничий карабин и выстрелил в ближайшего десантника. Попал. Островитянин взвыл, схватился за простреленный бок. Чучуни взял на мушку следующего имперца, но выстрелить не успел: пошатнулся, выронил карабин и повалился ничком в грязь.

Он был еще жив, когда убийца деловито перевернул его на спину, вырвал кортиком кишки и обмотал ими шею смельчака. Зрелище удушения собственными кишками чрезвычайно понравилось прочим участникам налета. Они столпились поодаль, смеялись и подбадривали изобретательного товарища гортанными возгласами.

Впрочем, brave имперских морпехов ждало более приятное развлечение.

Женщин-чучуни островитяне согнали на пятачок хорошо утоптанной земли, окруженный незамысловатыми деревянными идолами. Всех, включая старух и маленьких девочек, раздели и подвергли придирчивому осмотру. Осматривал несчастных корабельный врач, судя по повадкам. Отважным морпехам не хотелось подцепить какую-нибудь заразу. Отобранных отводили к идолам, а тех, кто не прошел «медицинского освидетельствования», загоняли в единственную уцелевшую землянку. А может, все было несколько иначе, и в жилище отводили женщин, предназначенных услаждать начальство, оставшееся на борту белой субмарины.

Следующим этапом стал своеобразный аукцион. Врач показывал на женщину или девочку и называл сумму. А морпехи наперебой повышали цену. Когда цена переставала

расти, врач подзывал счастливого, забирая у него деньги и вручал покупку. Морпех уводил плачущую чучуни в сторонку, на ходу расстегивая некогда белоснежный, а теперь изгазанный грязью и кровью комбинезон. Чаще всего проданные с торгов женщины сопротивлялись. Но покупатели не церемонились: они избивали, а потом оттаскивали деморализованных женщин за волосы в сторонку.

Аукционщику не понравилось, что сладострастное уханье насильников и истерические вопли их жертв мешают ему проводить торги, и он велел скотам отправлять свои надобности где-нибудь подальше. Тем более что возбуждение потенциальных покупателей росло. Росла и цена. Даже за старух шла ожесточенная борьба. От предвкушения и безнаказанности имперские солдафоны, похоже, совсем потеряли голову. Уж во всяком случае – бдительность.

Васку Саада такая диспозиция вполне устраивала.

Часового у входа в уцелевшую хижину, где ожидали своей участи пленницы, не было. Тут же стояли набитые рюкзаки. Саад расшнуровал один, пахло вяленой рыбой и копченым мясом.

Ага, значит, островитяне искали в поселке чучуни не только развлечения, но и провиант. Что ж, разумно...

Саад ухватил рюкзак и взвалил на плечи. Не успел он распрямиться, как за спиной у него хрустнул плавник и хриплый голос произнес по-имперски:

– Стоять! Руки!

М-агент поднял руки и медленно повернулся.

В нескольких шагах от него стоял морпех. Расхлюстанный и грязный. На длинной физиономии – радостное недоумение. Чему радовался и недоумевал имперец, Саад не стал выяснять. Он сделал вид, что поскользнулся и, падая, пытается сохранить равновесие.

Взмах руками – и имперский морпех хватается за горло, хрипит, а потом валится на землю.

Он еще скреб подошвами, словно хотел убежать, когда Саад наклонился к нему и вытащил из глотки мичмановский кортик. Потом деловито обыскал труп: снял автомат, разгрузку с запасными обоймами. Покончив с противником, агент Отдела «М» огляделся. Других морпехов поблизости не было. Крики и уханье доносились с капища – оргия продолжалась.

Уловив краем глаза движение, Саад стремительно обернулся, но тут же расслабился. Из хижины вышла девочка-чучуни. Одна из пленниц. В кухлянке на голое тело. Кухлянка та была девочке не по росту. Из-под вытертого меха торчали босые пятки. Не обращая на Саада внимания, девочка подошла к мертвому морпеху, встала перед ним на колени, задрала подол кухлянки... и вдруг припала к волосатой груди островитянина, выглядывающей из распахнутого комбинезона. Раздались странные всхлипывающие звуки, будто бы чучуни оплакивала убийцу и насильника.

Агент Саад хмыкнул, поправил лямки рюкзака и, крадучись, двинул к окраине поселка. Делать ему здесь было больше нечего. Все, что хотел узнать, он узнал; провиант и оружие добыл. Оставалось прихватить карабин удушенного собственными кишками парня и убираться. Если повезет, агент сумеет незаметно достичь берега. Потом следовало разбудить спасенных моряков, накормить и изложить им свои соображения. План был довольно прост: переходя от одного поселения чучуни к другому, дотянуть до Полигона, а там – сдать ближайшему патрулю. И потом начать все заново. Задание Странника никто не отменял – оно должно быть выполнено при любых условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.